

ТЁМНЫЕ ВРЕМЕНА
ЗВОН ВЕЧЕВОГО
КОЛОКОЛА

ИЛЬЯ КУЛИКОВ

Annotation

Льётся по Новгороду звон вечевого колокола, созывая своих сынов решать судьбу города. Голос народа зовёт и прогоняет князей, являясь грозной силой на Руси. Звон этого колокола знает и помнит каждый житель Города Рюрика, будь то князь или простой обыватель.

Кажется, ещё немного — и соберётся вече, и воспрянет народ Руси, чтобы обрушиться на захватчиков! Но постоянные свары удельных князей мешают объединению против общего врага.

Что окажется сильнее: амбиции мелких правителей или стихийная, с «низов», тяга русского народа к свободе?

Илья Куликов

Тёмные времена. Звон вечернего колокола

© Куликов И. Ф., 2017

© ООО «Яуза-каталог», 2017

* * *

Младший Ярославович

Наступило лето 6779 года от сотворения мира, или шёл 1270 год от Рождества Христова. Младший брат великого князя владимирского Ярослава Ярославовича тихо и спокойно княжил в Костроме, которую получил ещё от своего отца, великого князя Ярослава Всеволодовича.

Василий Ярославович был первым в очереди на великое княжение, но так как его брат был старше его всего на шесть лет, то особых надежд князь не питал. Прошлой осенью князь Василий Ярославович женился на боярыне Марфе. Поскольку сам великий князь позволил себе сочетаться браком с дочерью боярина, то и его младший брат не стал долго подбирать себе невесту, а выбрал красивую девушку из благородного боярского рода в Костроме. Свадьба прошла тихо. Никого по этому случаю в Кострому не приглашали.

Со своей супругой князь Василий особо не общался, считая её значительно ниже себя по достоинству. Он стал подчёркивать это с первых же дней супружеской жизни. Ему вообще не хотелось вступать в брак, но на этом настояли его ближники, первым из которых был Фёдор Ростиславович, отец княгини.

Боярин Фёдор Ростиславович был человек острого ума и хотел править Костромой от имени князя Василия. Тот в свои тридцать с лишним лет посвящал всё время отдыху и забавам, привечая у себя скоморохов и прочих весельников. Ради власти боярин и добился того, чтобы Василий женился на его дочери. Однако князь вовсе не был подвержен пороку пьянства и не собирался затуманивать свой разум хмелем. Он правил сам, иногда прислушиваясь к советам тестя, а иногда нет. Князь был не лишён амбиций и предпочитал дожидаться положенного ему великого княжения, совсем не заботясь о том, что его могут и вовсе обойти племянники, сыновья покойных братьев. Князь Василий верил в то, что лестничное право, существующее на Руси, едва ли может рухнуть, а посему все тревожные мысли, которые иногда посещали его, он отгонял.

Основной бедой Василия было то, что о нём из всех сил старались забыть. Брат Ярослав, взойдя на великокняжеский престол, даже не подумал добавить к владениям Василия каких-либо уделов и общих дел вести с ним не собирался. Дети Александра Невского также не хотели поддерживать с ним общение. В походы его никто не звал, на свадьбы не приглашал.

Тёплым летним деньком боярин Фёдор Ростиславович, тесть князя, остался, как и всегда перед трапезой, поговорить с Василием о делах княжества. Боярин начал было рассказывать о заготовке сена для коней, но Василий резко перебил его.

— Ты не о сене, боярин, подумай, а скажи мне, какие вести идут из Новгорода?

Фёдор Ростиславович не спешил с ответом. С чего это князь, которого в народе некоторые и вовсе прозвали Квашнёй за его неспешность, заинтересовался городом Рюрика?

— Думаю, князь, что новгородцы теперь ещё сильнее стали благодаря удачному походу твоего брата, великого князя Ярослава. Сила его сейчас велика, зато престиж не очень высок. Многие новгородцы, как я слышал одним ухом, винят его в том, что он не хочет соблюдать договор. Слышал, он перед походом в Эстляндию принудил новгородцев избрать тысяцким своего человека. Это чуть было не кончилось разладом между ним и Новгородом.

— Ясно. Ну хорошо, так что, ты говорил, там с сеном творится?

— Запасли, князь, сено, и хватит его до весны, как и полагается. Как здоровье моей

доченьки? — поинтересовался Фёдор Ростиславович.

— Ты, боярин, видел её позже меня, — ответил князь, — это мне тебе стоит вопрос этот задать. Не думай о том, как твоя дочка поживает, это моя забота.

Фёдор постоял и помолчал. Увидев, что в трапезную уже входят весельники и скоморохи, он сел за стол. Боярин понимал, что князю едва ли ещё что-то интересно. Василий приковал свой взор к пляскам и шуткам скоморохов, которые высмеивали всё, что только можно.

Павша Ананьевич и Себеслав Игоревич

Павша Ананьевич, вынужденный уступить великому князю и признать тысяцким Ратибора Михайловича, вовсе не собирался сдаваться. Павша не пошёл в поход к Ревелю с великим князем, сославшись на старость лет. Его зять, Себеслав Игоревич, также остался в Новгороде. Эти два боярина нередко встречались и обсуждали свои намерения и последние изменения в городе.

Наместником по-прежнему оставался Юрий Андреевич, который, стоило только уйти великому князю в поход, вновь сошёлся со своей любовью Ядвигой.

— Павша Ананьевич, — неспешно начал Себеслав Игоревич, — мне кажется, что нам надо осадить великого князя. Я уже не о месте тысяцкого ратую, а о том, что вся вольница новгородская под угрозой. Ярослав ушёл в поход, а племянник его, Юрка Паскуда, вновь в Городище свою литовскую блудницу запустил. Ведаешь ли ты, что вчера эти тати ограбили бояр Романа и Варфоломея? Что это за наместник, который вместе со своей блудницей у именитых людей Новгорода серебро отбирает, угрожая расправой?

— Согласен с тобой, Себеслав Игоревич, — поглаживая бороду, сказал Павша Ананьевич, — нынче нехорошие дела в Новгороде творятся. Но скажи мне, что делать прикажешь? Ярослав, хоть и не прославился ратными делами, без битвы занял Ревель и окрестности.

— А это оттого, что не было никакой опасности для Новгорода. Орден ослаблен, а что касается угрозы от датчан, то сдаётся мне, что всё это выдумки и слухи, которые по указке князя распущены были.

— Так-то оно так, Себеслав Игоревич, но простой народ обычно не славится длинной памятью. Сейчас они и не вспомнят, отчего их нелёгкая в поход понесла. К тому же поход этот оказался удачным. А Юрку Паскуду наместником терпеть больше мочи нет! Это я с тобой согласен, но делать-то что? Великий князь не хочет его никем заменять.

Оба боярина не спешили с очевидным решением, которое, однако, созрело у обоих в головах.

— А что, если сейчас народ на вече созвать и, пока нет великого князя, заменить его на другого?

— Не думаю, что сейчас время, Себеслав. Боюсь, что народ не поддержит, да и, вернувшись из похода, рать Ярослава сможет навести здесь порядок. Как бы всё это междоусобицей не кончилось, а это едва ли на пользу нашим торговым делам. Если князя и сгонять, то не сейчас. Пусть немного поправит.

— Ты, Павша Ананьевич, человек достойный, однако помни, пожалуйста, и о договорённостях наших, ведь выполнить их тебе всё равно придётся.

Павша Ананьевич ни на секунду не забывал о своём зяте, которому обещал место тысяцкого. Получалось, что сейчас настолько ослабла вольница в Новгороде, что он, посадник, не может своего тысяцкого усадить, и не потому, что нынешнего тысяцкого народ любит, а потому, что его назначил великий князь.

— Скоро Ярослав вернётся с ратью из-под Ревеля, — неспешно произнёс Павша Ананьевич, — делать ему в земле Новгородской больше нечего, значит, скорей всего, он покинет нас или хотя бы рать свою отпустит по домам. Вот тогда мы и подумаем, как вернуть нам нашу вольницу.

— Смотри, Павша Ананьевич, во многих городах на Руси была вольница, да вышла вся. Как бы в Новгороде тоже такого не случилось. Простые люди быстро свою свободу забывают.

— Да понимаю я всё, Себеслав Игоревич, — защищался Павша Ананьевич, — думаешь, я не хочу вольницу города нашего сохранить? Да я больше всех об этом пекусь!

— Непохоже, Павша Ананьевич. Ты своё место занял, и, видно, тебе всё едино, быть ли Новгороду боярским городом или княжеским. Просто не забывай, что вече может сменить не князя, а посадника, на такого, что будет блюсти вольницу народа!

Павша Ананьевич уже давно находился между двух огней. Он не был настолько глупым, чтобы открыто выступить против князя, но понимал, что если и дальше сгибаться перед ним, то, скорей всего, он станет последним посадником, который обладал в Новгороде хоть какой-то властью. Понимал посадник, что если даже его всё и устраивает по большому счёту, то мятежные бояре спокойной жизни ему не дадут. Не ровён час и впрямь на вече соберут простых людей да сменят его на более подходящего.

Заканчивать свою жизнь в тишине, занимаясь исключительно подсчётом прибыли, в планы Павши Ананьевича не входило. Ему хотелось сохранить своё положение любой ценой.

Возвращение Ярослава

Великий князь Ярослав Ярославович вернулся из-под Ревеля в начале лета. Ратники его не были особо обрадованы, так как боевой добычи захвачено было немного. А новгородцы, которые вернулись из похода, и вовсе были недовольны, так как приобретение Ревеля на их повседневной жизни вообще никак не сказывалось, а вот время, которое они потеряли, уже не вернёшь.

Ярослав, вернувшись, первым делом встретился со своим племянником Юрием Андреевичем, который по-прежнему сидел наместником в отсутствие великого князя, и посадником Павшой Ананьевичем. На встрече присутствовал и тысяцкий Ратибор, который теперь строил в Новгороде богатейший терем, вызывая зависть даже у самых состоятельных бояр.

Ратибор Михайлович скромного терема для себя не желал, и теперь все только и судачили, на какие это средства он строит такие хоромы.

Встретиться и всё обсудить решили перед праздничным пиром, который решил закатить великий князь по случаю удачного похода.

— С возвращением тебя, князь-батюшка, — с поклоном сказал Павша Ананьевич, — мы рады столь удачным твоим ратным свершениям.

Великий князь Ярослав промолчал, не зная, как на это реагировать, и не понимая, искренне ли поздравляет его посадник. Сам Ярослав считал, что все его завоевания — это большой успех, так как за земли эти он не пролил русской крови.

— Спасибо, Павша Ананьевич. Рад, что у вас здесь тоже всё ладно. Собрал я вас, чтобы обсудить свой поход в Карельскую землю. Что скажете, бояре?

— По мне, так это только на пользу, — высказался Ратибор Михайлович, который во всём поддерживал великого князя, — карелов тоже сможем подчинить.

— Князь-батюшка, не веди людей в землю Карельскую. Народ там бедный, и пользы от них для Новгорода нет. Только убыток один!

Великий князь удивлённо посмотрел на посадника. Как это от карелов может быть убыток? Перебивать, однако, он старика не стал и дал высказаться.

— Князь-батюшка, ратники твои, что из числа новгородцев, давно хозяйством должны заниматься. Семьи их голодают, лишённые своих кормильцев, а от карелов польза, я уже говорил, невеликая. Ну, даже если и предашь землю их ты огню и мечу, скажи, что даст тебе это? Едва уведёшь ты ратников своих, они вновь примутся за старое. Лучше мы их торговым путём прижмём и вынудим нам подчиниться.

— Ну, раз ваша воля такая, то не буду мешать. Сами с карелами разбирайтесь. Скажи мне, Павша Ананьевич, были ли какие у вас с наместником моим разногласия?

— Не буду напраслину возводить, — солгал Павша Ананьевич, — в этот раз вёл себя он достойно, и наговаривать на него я не стану. А что со своей любовницей сожительствует, то дело это хоть и незаконное, но каждый сам вправе принимать подобные решения.

Юрий Андреевич, ожидавший, что посадник сейчас расскажет про все обиды, аж опешил от этой речи. Князю Юрию было немного не по себе после вчерашней попойки, но после таких слов даже мутить перестало. Что задумал хитрый посадник?

— Скажи мне, Юрий Андреевич, а что за литовская дева с тобой полюбовствует? Может, тебе жениться на ней? Пусть в православную веру переходит. Павша Ананьевич

крёстным ей будет.

Юрий опустил глаза, не зная, что ответить. Не раз предлагал суздальский князь своей возлюбленной такое развитие событий. Клялся любить вечно. Но Ядвига отвергала его и лишь хохотала в ответ. Скребли у Юрия на душе кошки и оттого, что прямо в глаза ему Ядвига смеялась над ним и говорила, что люб ей сын великого князя Святослав, с которым он сам в своё время её и познакомил.

Юрий не знал, есть ли у них какие-либо отношения, но ревновал всей душой. Вот и теперь, пока он тут в Городище должен рассказывать дяде о том, как он управлял городом в его отсутствие, Святослав на дворе у Ядвиги.

— Великий князь, — неспешно обратился Павша Ананьевич к Ярославу Ярославовичу, — прошу пожаловать на пир, который устроен не только по случаю возвращения тебя из похода, но и в память о той кровопролитной войне.

Пировали весело. Дружинников чествовали победителями, но видел великий князь, что напряжение повисло в воздухе. Не рады новгородцы его достижениям, и сам он им не люб. Впрочем, великий князь не хотел думать об этом. Куда более важные мысли занимали его ум. Казалось, ещё немного, и Русь вновь окрепнет. И наступит время великих свершений. Впрочем, за великого царя и хана Ярослав выпил чарку до дна, не желая показывать своих реальных намерений баскаку Амрагану, который тоже присутствовал на пиру.

Вольница Новгорода должна исчезнуть, думал великий князь. Русь должна стать единой. Только тогда она сможет вернуть своё утраченное величие. Пусть эти новгородские бояре злятся и плетут интриги. Надо привлечь на свою сторону верхушку Новгорода, и тогда всё станет на свои места. Тысяцкий уже был его человек. Наместник, может, и не очень умный у него, но тоже будет его волю блюсти. Осталось получить своего посадника, и Новгород утратит свою вольницу. Нет, конечно, какое-то время ещё будет звенеть этот колокол, но уже с другими целями.

С грустью вспомнил великий князь о прошлом посаднике — Михаиле Фёдоровиче. Вот если бы он был жив! Славный был человек. За него и поднял чарку великий князь. Все выпили за покойного посадника до дна.

За праздничным столом вдали от всех сидел неприметный человек, княжеский арифметик Август. Он внимательно изучал всю обстановку и видел, что в эти дни настаёт тот самый момент, когда станет ясным будущее Новгорода. Сохранит ли он свою вольницу или склонится перед великим князем? У Августа был план на любое развитие событий. Но от того что он услышал на пиру, он остолбенел.

— Новгородцы! Война с Орденом выиграна, и теперь больше нет нужды опасаться! Эта змея больше не проползёт к нашим землям! А посему я решил отпустить свою рать обратно во Владимир, а новгородцев распустить по домам, чтобы они смогли заняться своими житейскими делами.

Все радостно закричали. Дружинники радовались скорому возвращению домой, а новгородские бояре видели в этом возможность сохранить свою вольницу.

— Сам я, — продолжил великий князь, — пока останусь в городе Рюрика и наведу во всех делах порядок, чтобы никто после не говорил, что отсутствует в Новгороде законный князь.

Ярослав Ярославович решил пойти на великий риск. Соединить Новгород и Владимир можно только одним путём: перенести столицу в Новгород и править Русью оттуда. Но если не распустить владимирских ратников, то те вскоре начнут роптать. У него теперь два

выхода: или уйти из Новгорода со своей дружиной, или остаться здесь без неё.

Павша Ананьевич, сначала обрадовавшийся было тому, что великий князь распускает свои войска по домам и покидает город, с трудом сдержал досаду. Если великий князь начнёт действительно управлять Новгородом, то через некоторое время может случиться самое страшное. Он может перенести свою столицу из Владимира в Новгород и тем самым полностью не только уничтожить новгородскую вольницу, но и именитых людей Новгорода сравнять с купцами.

Надо действовать срочно, пока великий князь не укрепился здесь, подумал Павша Ананьевич. Пусть то, что он отпустил своих ратников, станет его самой страшной ошибкой.

Княгиня Ксения прибывает в Новгород

Княгиня Ксения приехала в Новгород к своему супругу Ярославу. Подъезжая к городу, княгиня узнала, что великий князь отпустил своих ратников по домам. Она не одобрила про себя это решение, хотя понимала, что если не распустить ратников, то их содержание будет весьма накладно.

Город, в котором Ксения прожила всё детство и юность, очень тихо её приветствовал. Урождённая новгородка сразу заподозрила недоброе. Люди встречали её без должной радости, несмотря на то, что княгиня Ксения едва ли была скупой по отношению к простым жителям Новгорода. Скоморохи, которые не могли её пропустить, вместо того, чтобы шутить и высмеивать её, как обычно, в основном говорили о её слабой памяти и о том, что, став княгиней, Ксения совсем позабыла родной город.

— Княгиня-матушка, — кричал весельник, — а это ты Юрку спаскудила? Сказывают, что всё, что он здесь в Новгороде наворовывает, он тебе как дань суздальскую передаёт!

Великий князь встретил княгиню в Городище. После приветствий Ярослав позвал свою жену пообедать. Трапезу княгиня должна была разделить с великим князем и посадником.

Павша Ананьевич был ей хорошо знаком, так как являлся торговым партнёром её отца и нередко бывал у них в тереме. Ксения невольно вспомнила о своём доме, где провела детство. Вот было бы здорово явиться туда княгиней! Но она тут же отогнала эту мысль. В доме сейчас живут её братья, которые и так завистливо поглядывают на сестру-княгиню и могут начать пытаться влиять на неё. Страшно не их влияние, а то, что её могут заподозрить в этом.

— Княгиня, — кланяясь, сказал Павша Ананьевич, — ты просто расцвела и стала настоящей красавицей! Как пригожа на лицо ты!

Ксения тут же почувствовала фальшь и открытую лесть. Дело вовсе не в том, как она выглядела, а в том, насколько сильно это подчёркивал посадник.

— Дорогой князь, — продолжал Павша Ананьевич, — я просто в восторге от того, что мне на старости лет посчастливилось стать посадником при великом князе и что наконец глава рода Рюрика хочет сделать Новгород столицей Руси.

Ксения поняла, чего пытается добиться посадник. Он изо всех сил пытается представить великому князю положение дел в Новгороде не таким, какое оно есть. Павша Ананьевич усыпляет бдительность великого князя, и это у него получается. Не может посадников радовать то, что великий князь решил поселиться здесь. Посадники сами хотят править городом, и люди, которые выдвигают их на эти должности, преследуют свои интересы, о которых великий князь может и не знать.

Потрапезничав, посадник откланялся и покинул палаты князя. Ксения и Ярослав остались наедине.

— Ярослав, — сразу начала разговор Ксения, — в Новгороде творится неладное. Говорю тебе, Павша что-то замышляет.

— Ксюш, едва ли стоит его бояться. Мои люди сказывают, что Павша Ананьевич не очень популярен среди именитых людей Новгорода, и ему только и остаётся, что прибиться ко мне, чтобы сохранить своё положение.

— Или прогнать тебя и заслужить всеобщий почёт. Сколько у тебя ратников в Новгороде? Едва ли три сотни, а вот посадник сможет на вече собрать более пяти тысяч!

— Ты зря беспокоишься об этом, Ксения. Тысяцкий — мой человек, Ратибор Михайлович.

— Он же не новгородец!

— Времена меняются, Ксения. Вольница Новгорода заканчивается, и вскоре о ней останется только светлая память. Новгород не станет ничем отличаться от Владимира или Твери.

— Ярослав, Новгород всегда будет отличаться! Здесь люди становятся знатными не только за воинские заслуги, но и за торговые и промысловые. Только поэтому Новгород богат. Богаты и его бояре. Не спеши радоваться, Ярослав. Лучше нам вернуться во Владимир, сменив здесь наместника.

— Ксения, ты говоришь, как верная дочь Новгорода, — обнимая княгиню, сказал Ярослав, — но вольница заканчивается. Народ рад, что я, не пролив крови, добился того, за что раньше люди складывали головы.

— Не обманывайся, Ярослав! Новгородцы, которые ходили с тобой в поход, только понесли убытки. И самое главное, ты здесь чужой! Ты всегда будешь чужим, и именитые люди Новгорода будут кланяться тебе, только если за тобой сила, а у тебя её сейчас нет!

— Ксения, в случае чего меня поддерживает великий царь и хан! Новгород не посмеет выйти из моей воли! Павша даже на Юрку перестал мне жаловаться, поняв, что мой наместник — это моя воля!

Ксения поняла, что она приехала сюда слишком поздно. Её муж совсем запутался в хитрых интригах, которые плели новгородцы. Ярослав словно не понимал, что он здесь вовсе не во Владимире, а в вольном городе, где вече может как позвать князя, так и прогнать. А чтобы научиться влиять на вече, надо учиться влиять на бояр и заставлять их вложиться в твою кандидатуру.

— Не доверяй Павше Ананьевичу, — медленно сказала Ксения, — не считай его слабым. За этим человеком стоит сила, но она скрыта. Новгород не простит тебе то, что ты поставил тысяцким чужого! Не новгородца и не из земли новгородской. Надо было поставить тысяцким того, кто противостоит Павше и тем, кто за ним. Михаила Мишина, например, или ещё кого, но ни в коем случае не чужого. Павша объединит всех именитых людей Новгорода против тебя.

— Ты просто не хочешь понять, что прошлого Новгорода больше нет. Твой дядя был последним вольным посадником. Это время прошло, Ксения.

— Ох, Ярослав, я родилась здесь и с рождения слышала о том, что наша свобода и старинные привилегии — главное богатство новгородца. Ты и вправду веришь, что можно предать это всё забвению? На это уйдут годы, и то это станет возможным, если Новгород ослабнет. Если люди поймут, что вольность Новгорода стоит им хлеба насущного. И даже тогда не сразу откажутся они от этого. И отказавшись, ещё долго не забудут. Давай уедем во Владимир и сохраним лицо. Надо спешить, Ярослав.

Великий князь рассмеялся.

— Тебе, Ксения, надо детей нянчить, а ты всё хочешь дела государственные вершить. Не бойся, новгородская верхушка верна мне. Тысяцкий и посадник мои люди, а скоро я и концевских старост своих поставлю. Увидишь, Новгород станет другим.

— Если ты не услышишь меня, Новгород мы не удержим. Хотя бы верни свою рать или сам езжай к ней!

Подготовка мятежа

В доме Павши Ананьевича собралось немало бояр славного города Новгорода. Павша разделил с ними трапезу. Он не спешил сразу начинать беседу. Сначала все плотно поели, и только насытившись, посадник начал разговор.

— Бояре! Вот что я вам скажу! Великий князь слеп к моим просьбам! Каждый день жалуясь я ему на бесчинства племянника его Юрия. Этот человек, поправ все законы православной веры нашей, сожительствует с язычницей и вместе с ней грабит нас! Скажи, Марткинич, за что твой терем забрал Юрка Паскуда? В чём вина твоя? Скажи нам, Марткинич!

Боярин Антон Васильевич Марткинич медленно встал и, погладив бороду, обратился ко всем.

— А нет вины моей, бояре! Не виновен я ни перед великим князем, ни перед Новгородом. Просто построил я терем красивый, чтобы Новгород мог им гордиться, и из зависти взял Юрка Паскуда и отобрал его у меня. А знаете, кому отдал он терем мой? Иноверке проклятой, змее подколодной, гадюке литовской! А потом, во хмелю находясь, обнажил он меч и грозился живота меня лишить!

Посадник дал всем нагалдеться и обсудить сказанное. Конечно же, все знали об этом случае, но пока никто не спешил высказываться, особенно до той поры, пока ратники великого князя были в земле новгородской.

— А ещё я вам, бояре, скажу, — вновь обратился ко всем Павша Ананьевич, — князь Юрий Андреевич, словно вор, пришёл и ограбил бояр Никифора, Романа и Варфоломея! Он забрал их серебро и тем самым почти разорил! Как теперь людям торговым и промысловым Новгороду служить, если главный враг наш в Городище и это наш наместник?

— Ну, хорошо хоть, что теперь великий князь сам будет управлять городом Рюрика, — сказал боярин Павел Дмитриевич, наиболее лояльный великому князю боярин, уже преклонного возраста и хорошо помнящий Александра Невского.

— А что великий князь? — сказал Павша Ананьевич. — Великий князь про всё это знает и всё это позволяет. Власть свою самодержавную укрепляет, бояре! А чтобы мы к силе не обратились, он тысяцким своего дружинника назначил, который, может, какими заслугами и прославился, но за Новгород ни капли крови не пролил! Вот оно как, бояре! Хочет великий князь всех нас на своих людей поменять и всю вольницу нашу загубить. Я, как посадник, думаю сложить с себя полномочия. Не могу я больше Новгороду служить, нет мочи.

— Не смей делать этого! — картинно закричал Себеслав Игоревич, который только и ждал этого момента, обговорив всё заранее со своим тестем. — Как никогда Новгороду нужен посадник. Если ты уйдёшь, то мы вместо того, чтобы вольницу города нашего отстаивать, словно волки, будем грызться за чин твой! Пожалей Новгород, посадник-батюшка, ты ведь ему служить клялся!

— Да, не смей оставлять нас, Павша Ананьевич, — поддержал посадника боярин Антон Васильевич, дом которого отдал Ядвиге наместник Юрий, — ты один у Новгорода остался, ты нас и веди. Мы за тебя стоять будем хоть супротив наместника, хоть супротив великого князя!

Павша Ананьевич был очень доволен собой. К нему на трапезу бояре приходили без

должного почтения, многие считали его и вовсе прихвостнем великого князя, а теперь называли посадником-батюшкой и клялись горой стоять за него. Все были за него, даже самые лютые его противники.

— Надо звонить в вечевой колокол! — сказал боярин Марткинич. — По мне, так пусть народ решает, нужен нам такой князь или нет.

Боярин Павел Дмитриевич, тот, что высказался за князя, неспешно встал и направился к выходу.

— Я, бояре, против брата Невского не пойду и на вече это своё вече соберу. Юрка Паскуда творит беззакония, его и надо прогнать, а великий князь в его грехах невиновен!

— А ты, Павел Дмитриевич, забыл, как перед походом великий князь отобрал у нас берега реки Волхов и какие убытки люди промысловые и торговые понесли? Не нужен нам такой князь!

— Так ведь он Новгород столицей Руси, как при Рюрике, сделать хочет! Только представьте, какую пользу это принесёт!

— Нам вольница наша дороже!

— Мы не хотим стать обычным городом, где князья вершат произвол! Мы город торговый. Новгород — Отец Городов Русских, и величие его от самого города исходит, а не от князя!

Павша Ананьевич немного подождал, пока боярин Павел Дмитриевич покинет его дом, а остальные именитые люди немного поуспокоятся.

— Бояре, — вновь обратился к ним Павша Ананьевич, — а теперь давайте подумаем, кого нам на место Ярослава Ярославича позвать! Без князя нам всё равно нельзя.

Бояре принялись громко обсуждать и ругаться. Звучали имена всех князей, которые только были на землях русских. Некоторые и вовсе литовцев хотели позвать. Павша не спешил со своим предложением, давая всем наругаться и надрать глотку всласть.

— Бояре, — сказал Павша Ананьевич, — прошлый наместник, Царствие ему Небесное, прогнал сына великого человека, того, кто понимал нас и правил нами с честью. Я говорю о Дмитрие Александровиче Переславльском. Надо его на княжение звать! Он — сын своего отца и под Раковором, сказывают, проявил храбрость невиданную! Вот кого князем надо к нам звать!

Все на несколько секунд замолчали, обдумывая слова посадника. Дмитрий Александрович и впрямь был сильным князем на Руси. За ним, помимо Переславля, могли в случае чего пойти и галицкие князья, которые также были с ним в родстве. Все, конечно, помнили, что мать Юрки Паскуды — дочь Даниила Галицкого, но супруга Дмитрия была внучкой Даниила, что также давало соответствующие привилегии. Отец княгини Анны, Мстислав Луцкий, и вовсе был в очереди на галицкую корону.

— А не лучше ли нам обратиться к Довмонту Псковскому? — спросил боярин Варфоломей. — Он, сказывают, человек хороший. Юрку даже в Псков не пустил. Если такой князь станет Новгородом управлять, то золотые дни наступят!

— Не обманывайся, — сказал Павша Ананьевич. — Довмонт, подобно Ярославу, самовластия хочет, а не старинные законы чтить. Если Довмонт взойдёт на новгородский стол, то мы все захлебнёмся в крови, что едва ли пойдёт на пользу торговым делам.

— Ну, тогда и впрямь надо Дмитрия Александровича на княжеский стол звать! Кто к нему поедет? Он обиду на нас держать может, ведь в своё время мы изгнали его отсюда!

— Так изгоняли мы отрока безусого, а зовём мужа, имя своё на поле брани

прославившего, — важно сказал Павша Ананьевич. — Князя Дмитрия надо звать на княжение. Он и доблестью прославлен, и силён. А поедут к нему те, кто в изгнании его участия не принимал и великого князя Ярослава в Новгород в своё время не звал.

Бояре ещё долго и много чего обсуждали, но главного Павша Ананьевич достиг. Ему достался всеобщий почёт, и все его идеи именитые люди Новгорода поддержали. Оставалось только ударить в вечевой колокол, и великий князь узнает, что такое народный гнев. А разжигать его посадник и другие бояре умели мастерски.

Послы короля Льва Галицкого

Стоял поистине тёплый летний день. Несколько богато одетых всадников на достойных конях в сопровождении нескольких десятков ратников неспешно въехали в Новгород.

Простые люди смотрели на незнакомцев безразлично, так как в городе было много приезжих.

— Борис Иванович, а ты раньше когда-нибудь бывал в Новгороде? — спросил один из всадников. — Я здесь впервые. Смотри, полгорода и вовсе совсем недавно построили. Все строения новые.

— Нет, я в Новгороде тоже никогда раньше не был. Но рассказывают, что был здесь страшный пожар и половина города выгорела.

— Эй, достойный человек, — обратился Борис Иванович к прохожему, — скажи, а где правитель ваш живёт?

— Посадник? Наместник? Или князь? Или тысяцкий? У нас город богатый, всех прокормить может. Так кто вам нужен?

— Нужен нам великий князь Владимирский Ярослав Ярославович!

— А, ну он в Городище живёт, это вам, бояре, ехать надо так, — прохожий принялся объяснять, как добраться до Городища, которое находилось и вовсе не в городе.

Впрочем, к палатам великого князя добрались они быстро. Борис Иванович обратился к ратнику, который стоял в дозоре.

— Я боярин Борис Иванович, ближник короля Галицкого Льва Даниловича, прибыл к великому князю Ярославу Ярославовичу.

Услышав громкое имя, бояр сразу проводили к великому князю. Ярослав Ярославович в это время тренировался на заднем дворе, стреляя из лука. У него это неплохо получалось. Увидев незнакомые лица, Ярослав прервал своё занятие и повернулся к ним.

— Приветствуем тебя, великий князь Владимирский, князь Тверской и Новгородский. Нас послал родич твой, король Галицкий Лев Данилович, просить руку твоей дочери Ксении для его сына князя Юрия Львовича.

— Сочетаться браком с королём Галиции для меня большая честь, — неторопливо сказал Ярослав, передавая лук своему помощнику, который подавал ему стрелы. — Пойдёмте, бояре, обсудим все подробности этого соглашения.

Великий князь Ярослав и Борис Иванович прошли в отдельную комнатку. В это время всем остальным было предложено отдохнуть с дороги и поесть.

— Не буду хитрить, — сразу перешёл к делу Ярослав, — Ксения в брак должна вступить как можно скорее, и мы ей ищем подходящего жениха. Но хочу также понять и ваши замыслы. Зачем решили искать жену Юрию не на Западе, а здесь, на Руси?

Ярослав о будущем своей дочери думал нечасто. Он вообще её не видел, так как она жила в Твери, но, как и положено отцу, великий князь ко всем праздникам отправлял ей подарки и всегда спрашивал о её здоровье. Видел за последние десять лет её он только однажды, и то всего полчаса.

— Ну, если мы говорим начистоту, великий князь, то король Лев хочет, подобно западным странам, перестроить порядок престолонаследия и после своей смерти передать всю власть своему сыну Юрию, а для этого ему необходимо родство с сильным родом на Руси. Рассказывают, и ты о подобном задумываешься. Если появятся на Руси два сильных

государства и в обоих будет первородство, то вскоре мы сможем изжить старую систему престолонаследия.

Да, эта старая система давно себя изжила, однако именно благодаря ей он смог оказаться на Владимирском великом княжении. Но, впрочем, если ему наследует сын, а не брат, и продолжит его дело, то Русь Владимирская скорее станет великой.

— Я рад буду выдать свою дочь за сына короля Льва. Как знакомить молодых будем и чего хотите в приданое? И ещё один вопрос. У короля Льва ведь есть ещё брат Мстислав Данилович, князь Луцкий. Не будет ли он бороться за корону? Ведь он породнился с Дмитрием Переславльским. Как бы всё это междоусобной бранью не кончилось.

— Становление нового порядка наследования на Руси не сможет пройти без какого-либо конфликта, когда бы это ни происходило, великий князь.

— Это верно. У меня ведь тоже есть брат Василий и куча племянников, например Дмитрий, который едва ли откажется от своего права. А самое главное, мы зависим от монголов куда больше вас.

— Это верно, но и у монголов не всё так хорошо. Время течёт, великий князь, и кто знает, может, сильная и объединённая Русь сможет противостоять монголам.

— Вот тут-то и основная проблема, боярин. Объединённая. А у нас получают две Руси — Галицкая и Владимирская.

— Две Руси, но с одним родом. Всё равно сделать Русь совсем единой не получится. Даже в древности приходилось её делить, так как расстояния между нами очень далеки. В мире часто одной страной управляют из разных центров, но сообща. Было такое в истории и раньше. Карл Великий разделил своё государство, а до него то же было и в Риме.

— И все они распались на отдельные страны. Но мысль, что ты высказал, не лишена смысла. Хорошо будет, если два наших рода сольются плавно в один и будут править Русью сообща.

— В приданое твоей дочери мы хотим получить договор, который ты скрепишь печатью и в котором обещаешь поддержать на галицком престоле Юрия в случае смерти Льва. Думаю, одна возможность этого сильно изменит желание выступить против него.

— То же самое я потребую от вас.

— Король предвидел это и дал нам это право.

В это время в комнату вошёл ратник и, быстро подойдя к великому князю, что-то прошептал ему на ухо. Ярослав мгновенно изменился в лице.

— Что это за колокол звонит? — спросил Борис Иванович. — На какое богослужение собирает он людей православных?

— Отдыхай, боярин. Завтра составят грамоту, и мы скрепим её нашими печатями.

Звон колокола разносился на всю округу. Великий князь взглянул в окно и увидел, что небо затягивается тучами. Вот бы началась гроза, подумал Ярослав.

Вечевой колокол собирал народ на Софийской стороне. Люди спешили туда, словно у них не было иных дел, и совсем не обращали внимания на то, что жаркий летний день, скорей всего, сменится грозой и сильным ливнем.

— Вольные люди Новгорода! Сколько можно терпеть это! Мочи больше нет! Мы позвали великого князя, чтобы он правил нами и вёл нас к процветанию, а он нас отдал своему племяннику, Юрке Паскуде, который и Господу и Новгороду изменил! Полюбовствуется с язычницей, а на поле ратном только трусостью и прославлен! Великий князь всё знает и ничего не делает! Доколе это будет? Я посадник ваш! Соберёмся же и прогоним его!

Народ, который уже был настроен враждебно к великому князю Ярославу и его наместнику, встретил слова эти одобрительными возгласами.

— Новгородцы! — кричал Павша Ананьевич. — Что это за князь, который клятву и крестное целование преступает? Вступая на стол Новгорода, Ярослав клялся, что не будет давать своим людям земли и имение в Новгороде, но отобрал он у боярина Марткиничича терем его и отдал полюбовнице своего племянника, проклятой язычнице! Новгородцы, скоро хочет великий князь и вовсе снять вечевой колокол и править нами, как самодержавный правитель!

Народ бушевал, люди кричали и грозились убийством князя. Один из простых жителей обратился к вече.

— Новгородцы, не будем терпеть злодейств этих. Покараем мерзкую язычницу! Вернём имение Новгородцу. Пошли к язычнице!

— Павша Ананьевич, пошли с нами, накажем врагов города!

Многолюдная толпа двинулась к дому Марткиничича. Во главе шёл Павша Ананьевич. Перед домом Ядвиги они увидели десяток ратников в полном вооружении. Один из них, человек явно не робкий, вышел вперёд.

— Остановитесь! Именем князя Юрия, правителя Суздали, заклинаю вас! Прольётся кровь! — сказав это, воин обнажил меч.

Другие ратники тоже обнажили оружие. Новгородцев было намного больше, но это были простые люди, вооружённые подручными предметами, а противостояли им хорошо обученные воины. Ратники замерли, и народ замер. Сложно было сказать, чем всё это кончится.

— Пётр Данилович, — обратился к ратнику Павша Ананьевич, — ты верный человек своего князя, и я горжусь знакомством с тобой. Вспомни, как тебя, славного ратника, она позорила, как выгоняла, когда ты князю пытался о делах ратных сказывать. А ты, Михаил Григорьевич, — обратился к другому ратнику посадник, — вспомни, как она тебя плетью хлестнула за то, что ты кланяться ей не стал. Да, вы из Суздали, но уже сколько лет вы живёте в Новгороде! Вам надо не против нас идти, а вместе с нами.

Ратники заколебались, и народ тут же пошёл вперёд.

— Идём с нами, парни, порвём язычницу!

Ядвига смотрела на всё это из окошка. Увидев, что ратники, которых приставил к ней Юрий, перешли на сторону врага, литовка поняла, что вот теперь её жизнь заканчивается. Новгородцы выбили двери терема и ворвались внутрь. Бежать было некуда. Ядвига достала из потайного места флакончик и выпила его. Боли она больше не почувствует, и её враги не

увидят её слез. Она приготовилась к смерти. Кто-то знал её колдуньей, кто-то язычницей. Кем она была на самом деле? Даже сама Ядвига не могла ответить себе на этот вопрос. Меняя свои личины, она давно забыла о той самой истинной своей сущности. Сколько имён сменила она?

Новгородцы били её и пинали ногами. Затем они выволокли её за волосы и бросили перед толпой. Павша Ананьевич плюнул ей в лицо.

— Трусъшь шо-то я раньсее не видятьшь твоея храбросъшь. Этьь щассс тии стальь храбрьымь шттто в гостъь с тольпой пришельь.

— Новгородцы! Это ведьма, которая хотела разорвать наш город на куски! Порвём её тоже на части! Вяжите ей руки и ноги верёвками и тяните в разные стороны!

Ядвига захохотала, и даже самые храбрые из новгородцев попятились.

— Испуглысьь! Не бойтэсьь вии же храбость проивитесьь. Вязите меня и будте прокляти... Сгорыте в васем адю...

Павша Ананьевич сильно ударил литовку. Как долго он мечтал это сделать.

— Ты умрёшь в страданиях нечеловеческих! Твоё тело разорвут на куски!

Ядвига, не чувствуя боли, рассмеялась в глаза посаднику и плюнула ему в лицо. Некогда красивое лицо литовки было изуродовано от ударов, нос сломан. Но вместо того, чтобы плакать, она смеялась и посылала проклятия новгородцам.

— А ну-ка, ребятки, потянем дружно! Разорвём её на куски!

В этот момент грянул гром, и первые капли упали с неба.

— Перун гневается! — крикнул кто-то. — Нельзя её жизни лишать, будет великое горе!

Казалось, ещё секунду, и яростная толпа совсем струсит и разбежится. Посадник обнажил меч и воткнул его Ядвиге в живот, а затем провернул его. Вместо того чтобы зареветь, Ядвига взглянула в глаза посаднику.

— Ты будешь изгнан! — сказала она ему и вновь разразилась смехом. Эти слова Ядвига сказала совсем без акцента, словно всю жизнь говорила на этом языке.

— Нет! Ты умрёшь! — ответил Павша Ананьевич и ещё раз пронзил её мечом.

Ядвига упала на землю. Начался сильный ливень. Она знала, что смерть идёт к ней, но продолжала смеяться.

— Если уж я иду в ад и меня там ждут вечные муки, то на земле последние секунды я проведу, пугая своих убийц. Пусть в самых простых вещах они видят мои проклятия.

Ядвига перестала говорить с акцентом и, выплёвывая кровь, закричала:

— Все вы не имейте счастья и покоя семь лет! Пусть радость покинет вас!

— Новгородцы! — закричал Павша Ананьевич, пиная Ядвигу. — Сильный дождь смоеет с нас нечисть. Наш город будет чистым! Напишем же обвинительную грамоту Ярославу, и пусть он уходит отсюда.

Посадник и вся толпа за ним направились обратно к Софийской площади.

Обвинительная грамота

Павша Ананьевич и множество простых людей собрались перед собором Святой Софии и готовились составить обвинительную грамоту, чтобы вручить её великому князю.

Сильный ливень сменился на мелкий дождь.

— Новгородцы, — обратился Павша Ананьевич к людям, — напишем великому князю не много пустых слов, а только самую суть. Пусть ответит на основные наши вопросы. Пусть скажет, зачем завладел двором Марткинича, для чего взял серебро с бояр Никифора, Романа и Варфоломея!

— Так ведь не он брал серебро! То Юрка Паскуда по научению своей ведьмы литовской, сгори она в аду! — закричал один из толпы.

— А это к делу отношения не имеет, новгородцы, — отвечал Павша Ананьевич, — Юрия Андреевича нам наместником поставил великий князь, пусть сам ответ держит! А ещё пусть скажет простому люду, для чего хотел карелов, мирно живущих на землях наших, извести, травливая нас в войну с ними!

Народ ревел. Казалось, ещё немного, и пойдут они так же, как к Ядвиге, к самому великому князю требовать ответ с него и вершить суд свой.

— Ярослава больше не хотим! Он не друг Софии, а враг! — закричали из толпы. Кричавший получил в своё время от Павши некие средства и теперь отрабатывал их. — Он хотел войной пойти на Псков и поссорить нас с нашим пригородом ради сына своего.

— Верно говорит, было дело, — поддержали его в толпе. — А ещё помню, как пошёл я в поход с Юркой Трусишкой на помощь Пскову, так он дал почти обескровленным врагам уйти с поля боя, сохранив всё награбленное. Говорю вам, он веру латинскую принял или язычником стал, но он не наш.

— Ага! Ярослав воспользовался этим, чтобы потом якобы победоносный поход возглавить. Псковичи обескровили ливонцев, а он себе все их заслуги приписать хочет. Не нужен нам князь такой!

— А ещё, посадник, напиши про то, как, введя нас в заблуждение, он берег реки Волхов украл у нас! Пиши, пиши, посадник, — кричал один из собравшихся, по всей видимости, человек торговый и понёсший от этого убытки. — Пиши, что разорил он много людей, а земли эти под охотничьи угодья свои использовать собрался. Чтобы бить зверьё забавы для!

— Записал я это, новгородцы. Пусть ответ даст, коли он князь наш! — сказал посадник Павша Ананьевич. Всё шло по его плану. Теперь он был народным героем, который собрал вече для борьбы за вольности народа Новгородского.

— Отец, а чего с этого вора ответ просить! — кричала толпа. — Пиши сразу ему, пусть идёт куда хочет! Нам он не князь. Мы найдём себе другого князя, того, что не будет нас грабить и ставить нам наместников, которые только блудом и прославились!

— Пошли к великому князю! Вручим ему грамоту обвинительную, пусть идёт прочь отсюда!

Дождик совсем утих, и вновь выглянуло солнышко. Люди, промокшие и злые, готовы были на всё. Казалось, что все годы, что правил ими Ярослав Ярославович, только и делал он, что притеснял и разорял их.

Когда народ пришёл к Городищу, то увидел, что там все готовы к битве. Ратники великого князя готовились отдать жизнь за своего правителя. Он их никогда ничем не

обижал, и поэтому переходить на сторону бунтующих они не собирались.

— Новгородцы, — обратился к людям посадник, — я пойду дальше один и вручу ему обвинительную грамоту. Пусть он услышит голос народа!

Одного Павшу Ананьевича ратники пустили к великому князю, который встретил его облачённым в доспехи.

— Ну, привет тебе, Иуда, — сказал великий князь, — зачем пожаловал ко мне сюда? Что сказать мне желаешь?

— Великий князь, — сказал Павша Ананьевич, низко кланяясь Ярославу Ярославовичу, — я всего лишь посадник и исполняю волю народа. Новгородцы повелели передать тебе эту грамоту.

Ярослав взял обвинительную грамоту и тут же передал своему человеку, который умел читать быстро и выразительно, словно это и не написано, а сказано.

— Великий князь, написано здесь следующее. Спрашивают новгородцы, для чего ты завладел двором Марткиничя? Для чего взял серебро с бояр Никифора, Романа и Варфоломея? Спрашивают новгородцы, для чего выводил ты из земель новгородских иноземцев, мирно живущих с ними?

— Это всё ложь! — вскрикнул Ярослав Ярославович. — Никогда я не брал серебра с бояр и не забирал ничей двор. Иностранцев никогда не выводил я, и когда новгородцы хотели литовцев беглых казнить, сам заступался за них.

— Великий князь, здесь также написано следующее. Спрашивают новгородцы, для чего птицеловы твои отобрали берег реки Волхов, а звероловы — поля. Дальше новгородцы пишут, что да будет конец твоему насилию! Иди куда хочешь, а мы найдём себе князя!

— Ты что мне сюда принёс, Иуда? — обратился к посаднику Ярослав.

— Такова воля народная, великий князь, я лишь посланник. Я стар, и если убьёшь меня, на то воля Господа. Своё я пожил, — сказал Павша Ананьевич, разумеется не собираясь умирать. На самом деле посадник больше всего боялся, что великим князем овладеет гнев и он его убьёт.

— Иди вон отсюда. Я думать буду.

— Не начинай, великий князь, кровопролития. Сила Новгорода велика. Сметём мы тебя и людей твоих. Пожалей ратников своих.

Сказав это, Павша Ананьевич вышел из палат великого князя.

Великий князь Ярослав позвал к себе тысяцкого Ратибора, воеводу Романа Никитича и сына Святослава. Принимать хоть какие-то решения без Ксении в отношении Новгорода великий князь посчитал глупым, поэтому позвал и её.

Все собрались и молча смотрели друг на друга, прислушиваясь к звукам, которые доносились от разъярённой толпы.

— Ну, — нарушил тишину великий князь, — первое, что я хочу узнать, в случае, если толпа решит действовать силой, мои ратники выстоят?

— Думаю, что да, — ответил воевода Роман Никитич, человек немолодой и командовавший дружиной князя уже более пяти лет, — но крови много прольётся, великий князь. С обеих сторон.

— Ну, хоть за безопасность княгини можно не беспокоиться. Плохо, что послы короля Галицкого такое увидели. Представьте, что на Руси расскажут обо мне.

— Великий князь, — обратилась княгиня Ксения к мужу. На людях она всегда обращалась к нему не иначе как «великий князь», — народ успокоится теперь, только когда ты покинешь город или докажешь, что людей обманули.

— Каким образом сделать это, княгиня? — спросил Ярослав. — Думаю, сейчас люди будут слушать только Павшу Ананьевича. Права ты была, нельзя было верить этому лису.

— Великий князь, — обратился к Ярославу тысяцкий Ратибор, — может, я пойду на вече с сотней ратников и пообещаю от твоего имени новгородцам хорошей жизни? Если обещания мои сдержать ты не сможешь, то спрос не с тебя, а с меня будет. Повинюсь я от имени твоего во всех грехах и скажу, что виновные в новгородских бедах будут наказаны. Князя Юрия Андреевича в Суздаль княжить отправят. Может, народ обрадуется и простит.

— Если ты возьмёшь с собой сотню ратников, то в случае битвы нас по частям разорвут. Тебя на вече, а нас здесь. А что, если я сам выйду к народу? Я великий князь, и если уж так повелось, то мне и ответ держать!

— Не вздумай, супруг мой ненаглядный, — вскрикнула Ксения, — не подливай масла в огонь! Народ разорвёт тебя. Раньше надо было к людям выходить. Ты ещё с собой князя Юрия возьми, чтобы люди всех врагов своих разом побии. Надо действовать неспешно, осторожно. Много обещать нельзя. Люди верить не будут. Надо выждать, если получится, постараться выделить среди именитых людей Новгорода противников Павши и всячески их поддерживать. Сказывают, что Михаил Мишин тоже на место посадника метит. Вот его и надо поддерживать. Но не стоит обманываться, он будет верен, только пока посадником не станет. А когда станет, то надо будет искать другой противовес. Только так и живёт Новгород.

— Вот что, батюшка, — сказал Святослав Ярославович, — надо к народу мне и Ратибору идти. Я сын твой и в случае чего могу более с большим правом от твоего имени говорить. Зла я новгородцам не сделал, и спросить с меня им не за что.

— Умное решение, но едва ли оно даст результат, — сказала княгиня Ксения, — однако попробовать, скорей всего, стоит.

Княгиня сама ужаснулась своим словам. Ведь сейчас в глубине души она желала сыну своего супруга смерти лютой. У неё перед глазами возникла картина, как Святослава раздирает по кускам разъярённая толпа. Однако парень этот никогда её не жаловал и всегда желал ей только зла. Наверное, она тоже имеет на это право.

Крики беснующейся толпы усиливались. Ещё немного, и дело уже кончится кровопролитием. Ждать больше было нельзя.

— Ну чего, — сказал Святослав, накладывая на себя крестное знамение, — пора предстать перед народом. Пойдём, Ратибор. Отец, ратников со мной не посылай. Если убить меня захотят, то всё равно едва ли они спасут меня. Это только покажет, что я боюсь.

Ярослав не хотел, чтобы Святослав предстал перед народом за его и Юрия Андреевича грехи. Однако никакого другого выхода пока не было. Великий князь был горд, что его сын отважен и храбр, но ему было очень за него страшно. Святослав словно увидел страх отца.

— Батюшка, — сказал он великому князю, — на всё воля Господа. Даже если мы и покинем Новгород, хотелось бы сделать это живыми. Если убьют меня, то тогда ты отомстишь за меня лютой мезтью и не оставишь в Новгороде камня на камне.

Отец и сын обнялись, а затем Святослав, поправив меч, вместе с Ратибором покинул палаты.

Ратибор и Святослав перед народом

Толпа, едва увидела сына великого князя и «вора места тысяцкого», тут же разразилась ужасными криками.

— Я Святослав, сын великого князя Ярослава, пришёл к вам, чтобы передать слова моего отца.

Как ни странно, простой народ замолчал, и лишь изредка слышались возгласы.

— Пусть говорит! Князь сам выйти к нам боится, сына послал!

— Новгородцы, — обратился к ним Святослав, — если чем отец мой вас и обидел, то просит за то прощения! Все требования ваши исполнит и несправедливости устранил. Ежели кого наместник обидел, то великий князь сам убытки этого человека возместит!

Как легко повлияла такая простая речь на народный гнев! Святослав увидел, что среди толпы нарастает радостный гул.

— Сын в деда Ярослава Всеволодовича пошёл! Вот кого наместником нам ставить надо было! Сказывают, и под Раковором он проявил себя!

— Новгородцы, — вновь обратился Святослав к людям, — отец мой великое дело замыслил! Хочет он, чтоб отныне Отец Городов Русских стал и центром Руси. Сам хочет править городом Рюрика отец мой и всячески народу своему угождать, принося пользу отечеству.

— Складно говорит! Так ведь не князь виновен в злодействах, а Юрка Паскуда!

— А я, — закричал Ратибор, — добровольно с себя сан тысяцкого сниму, и пусть князь и вече решат, кто будет тысяцким Новгорода!

Народ воспринял это ещё более радостно. Павша Ананьевич забеспокоился. В его мыслях было сместить Ярослава и посадить на его место Дмитрия, чтобы править самому, оставив переславльскому князю ещё меньше прав, чем ранее оставили Ярославу.

— Сбегай-ка к телу Ядвиги Блудницы и отрежь её голову, — сказал тихонько Павша Ананьевич одному из верных своих людей, — только носи её так, чтобы никто не видел. Тело её никто не убирал, так что, скорей всего, где сдохла, там и валяется.

О том, что Святослав имеет к ней чувства, Павша Ананьевич знал и решил поглядеть, сможет ли Святослав удержать себя в руках, если узнает о смерти Ядвиги.

— Новгородцы, — продолжал Святослав, — город наш торговый, и прибыль от него велика. А вы только представьте, что будет, если он и центром Руси станет? Постепенно мы подчиним всё побережье Варяжского моря и заселим его православным людом. Наши потомки будут благодарить судьбу за то, что татары разрушали старую Русь, Русь раздробленную, и на её обломках появилась Русь Единая, Русь Могучая.

— Вот кого в князья звать надо! Святослав — это второй Александр! Иди нами править, княжич, и крест в этом целуй, что вольности наши не тронешь. Люб ты нам! — слышались крики народа.

— Новгородцы, — отвечал им Святослав, — негоже мне на месте отца сидеть, к тому же я только говорю его мысли! Не могу княжить вами сейчас, пока отец мой жив!

В это время Павша Ананьевич вышел к Святославу и, поклонившись, протянул ему окровавленный мешок.

— Воля народа такая, княжич. Наказана великая блудница вавилонская руками простых людей!

Святослав открыл мешок, и лицо его исказилось. В мешке была голова Ядвиги.

— Святослав Ярославович, — громко продолжал Павша Ананьевич, — поклянись перед народом, что тело блудницы этой не будет предано земле, а будет отдано на съедение псам, которые уже начали своё дело, а голова её пусть будет наткнута на пику и смотрит в сторону, куда Юрка Паскуда уедет!

Народ закричал и радостно засвистел.

— Верно посадник говорит! Много зла сделала она Новгороду! Пусть смотрит в сторону, куда Паскуда уедет!

Святослав не выдержал и схватил Павшу Ананьевича за грудки.

— Я убью тебя, мерзавец! Ты зачем её жизни лишил?!

— Княжич, — что было силы закричал Павша Ананьевич, — то воля народа была, она перед смертью проклятия на Новгород сыпала!

Народ, минуту назад радостно встречавший речи княжича, теперь недовольно гудел.

Ратибор, видя, что ещё немного, и народ лишит их обоих жизни, схватил княжича и оттащил от посадника. Павша Ананьевич своего добился. Народ теперь уже кричал совсем иное.

— Не хотим ни тебя, ни отца твоего! Удаляйтесь, или будете немедленно изгнаны!

— Пошли, княжич, надо жизни свои для мести сохранить. Этот змей хитрый всё подстроил! Ещё немного, и разошёлся бы народ по домам. Пошли скорее.

— Павша! Я отомщу тебе, злодей!

— Я служу Новгороду, княжич, и, собравшись отомстить мне, ты всему Новгороду мстить будешь. Мы за свою вольницу умереть готовы. И всегда так будет! И ни тебе, ни отцу твоему сладкими речами в обман нас не ввести. Иди, княжич, и не грозись мне! Будь я молод, то и сам бы в честном бою с тобой сошёлся, не посмотрев на достоинство твоё княжеское.

Говоря это, Павша Ананьевич про себя улыбнулся. В жизни бы он ни сейчас, ни в молодости с княжичем мечи не скрестил. Павша Ананьевич не склонен был к безумным поступкам.

Борис Иванович и Всеволод Михайлович

Борис Иванович сразу понял, что в Новгороде творится что-то неладное. Ради этого великий князь прервал беседу с ними, так и не обсудив, каким образом знакомить Юрия Львовича с Ксенией Ярославной.

Борис Иванович не знал, как ему быть. С одной стороны, хитрый боярин видел, что власть Ярослава пошатнулась и теперь абсолютно не ясно, чем дело закончится, но даже без Новгорода Ярослав был одним из сильнейших государей на Руси. Под рукой Ярослава оставались Владимир и Тверь. Борис Иванович и Всеволод Михайлович, его двоюродный брат и спутник, сидели в комнате и прислушивались к крикам, которые доносились с улицы.

— Да тут, наверно, целое восстание, Борис, — сказал Всеволод, — чуёт сердце моё, что, может, и не стоит Льву Даниловичу родниться с Ярославом Ярославовичем.

— Ну, знаешь, восстания в Новгороде происходят постоянно. Говорят, что здесь и по сей день вече всё решает. Здесь посадник не то что у нас в Галиче или во Владимире, что на Волыни. Здесь он почти князь.

— И видишь, мирятся с этим владимирские князья. У нас тут же с ратью вышел бы князь и разметал бы этих бунтарей!

— То в Галиче, — ответил Борис, — а здесь в Новгороде весь город в случае чего оружие в руки возьмёт и ещё из пригородов рать позовёт. Как бы сам Владимир не захватили. Простой люд вольницу любит!

— Так ведь от таких вот бунтов одни убытки!

— Может, и так, — согласился Борис, — но, как видишь, пока не разорились, а напротив — богатейший город Руси.

— Так это потому, что татары их не разорили. Сказывают, что до разорения татар Киев был в десятки раз богаче Новгорода.

— Врут старики! Киев в те дни вообще почти никому нужен не был. Там даже не князь в своё время воинство возглавил, а боярин Дмитрий, светлая ему память. Так что скажем великому князю, мол, Юрий хотел бы княжну своими глазами увидеть. Пусть, мол, жених в Тверь приедет. Мы Льву обо всём расскажем, и тогда пусть король сам решает, нужен ли такой союз.

— Борис, а знаешь, что я разумею, — задумчиво сказал Всеволод, — думаю, нам стоит с великим князем поговорить и намекнуть ему о том, что если бы разговор наш состоялся неделю назад, то уехали бы мы совсем с другими мыслями и намерениями к своему князь, тьфу... королю.

— Что с него просить думаешь?

— Ну, это уж пусть он нам предложит, я думаю, что стоять такое должно немало. А люди, что с нами едут, надёжные?

— А почему нет. Я только своих с собой в дорогу брал. Все они от меня получают за молчание или за речи разумные.

— Это хорошо, нам о себе в первую очередь думать надо. Знаешь, вот ещё что я думаю. Ты поедешь один ко Льву, а я пока возле Ярослава потрусь. Постараюсь побольше выторговать для нас с тобой, а ты у Льва, как старший, — сказал Всеволод, — тоже постарайся чего выпросить. Так, может, и в люди выьемся. Я ещё свои услуги великому князю предложу, как осведомитель, а вернувшись с невестой, донесём Льву о Владимирской

Руси.

— Ну и голова у тебя, Всеволод, — сказал полушёпотом Борис, — тебе не боярином, а князем быть надобно.

— Ладно, главное у Ярослава сейчас побольше выторговать. Ты не хвали меня, не то сглазишь!

— Тьфу, тьфу, — сплюнул Борис и перекрестился, отгоняя нечистого.

Ярослав покидает Новгород

Ситуация окончательно вышла из-под контроля. Великий князь понимал, что теперь ему остаётся только сделать одно из двух: либо пролить кровь, либо покинуть Новгород. Великий князь отдал распоряжение всем собираться и готовиться к отбытию из города. Ярослав знал и о том, что некоторые из его немногочисленных сторонников находятся сейчас в церкви Святого Николая. Их великий князь также хотел забрать с собой.

Ярослав Ярославович пошёл в комнату, где сидел полупьяный Юрий Андреевич. Племянник не знал, кого больше бояться, народа новгородского или своего дяди. Великий князь понятия не имел, что с ним делать. Конечно, он был на него очень сильно зол, но, с другой стороны, он понимал, что едва ли во всём виновен только этот незадачливый обалдуй.

— Встань, Юрий, — сказал Ярослав, глядя на своего племянника, который весь в слезах сидел в углу комнаты, — утри слёзы и не позорь брата моего покойного.

— Дядя, прости меня! Я не ведал, что творил. Прости меня и любовь мою Ядвигу, я уговорю её и она примет православие! Прости нас, не ведали, что творили!

— Ей моё прощение больше не нужно. Пусть Бог простит. Народ голову её принёс.

— Ядвиги больше нет! — рыдая, воскликнул Юрий и обнажил кинжал. — Я покончу с собой!

— Было бы здорово! — язвительно отозвался Ярослав. — Может, это решило бы многое. Перестань кривляться и убери кинжал, это оружие мужчин, коим я лично тебя не считаю. Вытри свои сопли. Ты мне просто противен.

Юрий Андреевич послушно убрал кинжал и упал на колени перед великим князем.

— Дядя, это всё Павша виноват. Не выдавай меня людям новгородским! Я сын брата твоего.

Юрия Андреевича всего трясло от одной только мысли, что он может предстать перед ревущей толпой. Сложно было сказать, всегда он был настолько труслив или стал таким здесь.

— Выдать тебя народу было бы, наверно, справедливым. Но не бойся, я не пролью твою кровь. Ты мой племянник. Встань, Юрка, и вытри слёзы. Хочешь отомстить за любовь свою?

— Нет, великий князь! Не о мести думаю, а о спасении души своей!

Ответ трусливого племянника застал врасплох великого князя. Наверное, Юрий Андреевич хотел таким ответом угодить дяде, но вышло наоборот.

— А мстить придётся. Мы, потомки Рюрика, подобного не прощаем. Да и месть твоя будет особой. Будешь с ратниками хлебные обозы, что в Новгород идут, перехватывать. С этим справишься, или всё же оставить тебя здесь в Городище наместником?

— Справлюсь, дядя! Не оставляй меня! Я им жизни не дам и волю твою исполнять буду со всем усердием.

— Главное, не переусердствуй, князь! Ладно, вставай с колен и смотри, чтобы никто о твоём поведении не узнал. Пошли, пришла пора оставить Новгород.

Юрий встал и вытер лицо рукавом. Следы его слёз это не скрыло, и Ярослав, ухмыльнувшись, отметил это. Вместе с племянником он вышел из комнаты.

Когда князь и люди его вышли из Городища, включая посланников Льва Даниловича, простой люд заулюлюкал. Ратники ехали в полной амуниции, готовые, если что, к любому повороту событий. Вывозили всё добро великого князя.

— Новгородцы, — закричал великий князь, — если не хотите кровопролития, то позвольте всем людям моим, что укрылись от гнева вашего в Доме Божьем, покинуть Новгород вместе со мной!

— Пусть уходят, — ответил посадник Павша Ананьевич, — мы зла им не сделаем. Только тогда обратно пусть не возвращаются!

— Каким судом судишь, таким и тебя судить будут, посадник, — бросил ему Ярослав Ярославович.

С грустью и со стыдом уезжал из Новгорода Ярослав Ярославович. Великий князь клялся отомстить новгородцам и заставить подчиниться его воле.

Совет Дмитрия Александровича с боярами Переславля

Князь Дмитрий Александрович мирно жил в своём Переславле. Вопреки всем слухам, супруга его Анна Мстиславовна вскоре забеременела, и теперь все только и ждали, кого родит княгиня. Родить она должна была примерно в ноябре.

Князь Дмитрий несколько раз посещал своего старого друга Вадима Всеволодовича, который так и не пришёл в разум истинный. Впрочем, у князя было много дел, и теперь он редко даже в разговорах вспоминал своего старого знакомца.

В самый разгар лета сыграли свадьбу ближника князя Алексея Перо с Анастасией Фёдоровной. Князь сам сосватал своему другу невесту. Отец Анастасии, боярин Фёдор Дмитриевич, сначала не хотел подобного брака, но после просьбы князя одобрил его. Да и сам боярин вскоре понял, что не прогадал, так как Алексей Перо, обласканный князем, получил и землю, и боярское достоинство.

Княгиня Анна сразу поладила с Анастасией, и теперь та была всегда рядом с ней. Анастасия была старше Анны и в глубине души сильно завидовала княгине. Зависть свою Анастасия скрывала, и княгиня считала её своей лучшей подругой.

Боярыня Анастасия, конечно, любила своего супруга, но иногда, боясь самой себя, задумывалась, а что было бы, если бы князь переславльский, как его дяди Ярослав и Василий, вместо того чтобы искать себе в жёны княжну, обратил внимание на боярынь, которые и лицом ничуть не хуже, и любить умеют так же жарко.

Впрочем, ничего плохого Анастасия в отношении Анны не предпринимала и служила ей на совесть.

Лето было в самом разгаре, когда в Переславль донеслись вместе со скоморохами странные слухи. Потешники сказывали, что в Новгороде великого князя погнали и что к нему, Дмитрию Александровичу, едет сам посадник звать на княжение.

Дмитрий позвал своих ближних бояр и решил обсудить с ними эти новости. В ближниках у князя ходили Алексей Перо, Фёдор Дмитриевич, отец супруги Алексея, и Афанасий Ярополкович, человек сладко говорящий и особо не любимый княгиней.

— Бояре, — начал Дмитрий Александрович, — сказывают потешники, что хотят меня вновь в Новгород княжить позвать. Что скажете и какой совет мне дадите?

— Князь, — первым взял слово Афанасий Ярополкович, — великий ум твой и храбрость, конечно же, приглядны Новгороду. И долг твой Руси служить, а здесь, в Переславле, оставить править за тебя верного человека. Хоть и любим мы тебя все от боярина до старика, но в Переславле тебе всё равно всю жизнь не прокняжить. Ты — птица более высокого полёта. Ждёт тебя великое княжение, и если закрепиться ты и в Новгороде, то силы твои будут велики.

Дмитрию очень понравилась речь боярина Афанасия, но князь не спешил, желая послушать мнение каждого.

— О верном человеке стоит подумать, князь. Я с радостью буду править Переславлем от твоего имени, — промолвил Фёдор Дмитриевич, — пока ты будешь княжить в Новгороде.

Афанасий Ярополкович не был в восторге от подобных речей своего заклятого врага и тут же высказал иное мнение.

— По мне, князь, вернее меня у тебя нет человека. Фёдора Дмитриевича надо бы отправить вместе с тобой в Новгород, чтобы он помогал тебе вести дела государственные.

— Князь, — сказал боярин Алексей Перо, — а зачем тебе вообще идти княжить в Новгород? Хоть и богат Отец Городов Русских, но своеволен. Помнишь, как выгнали тебя новгородцы и предпочли тебе твоего дядю? Ты нужен им, лишь чтобы свои интересы соблюсти, а как начнётся война с великим князем, Новгород от тебя вмиг открестится, словно от дьявола, и тех, кто тебя туда звал, ты не сыщешь.

— Что думаешь, боярин Алексей, — спросил Дмитрий, — отказаться мне от Новгорода?

— А ты, князь, думаешь, что усидишь там? Новгородцы — люди хитрые и торговые. Им свои интересы превыше всего. Думаю, что тебе не стоит ругаться с твоим дядей. Подумай, насколько ты сблизисься с ним, если не пойдёшь на поводу у новгородцев! Какую услугу ему окажешь!

— Глупости ты говоришь, зятёк, — сплюнув, сказал Фёдор Дмитриевич, который спал и видел себя наместником Переславля, — от такого не отказываются. Поторговаться стоит, но не отказываться. А что великому князю не услужил, так Новгород давно по праву нашего князя Дмитрия вотчина, и ушёл он оттуда, так как мал был летами.

Бояре ещё долго спорили. Князь не спешил принимать решение и только слушал их разговоры. Наконец ему всё это окончательно надоело и запутало его мысли. Тогда Дмитрий встал, и все замолчали.

— Вот что я вам, бояре, скажу, — сказал князь Дмитрий Александрович, — я должен ещё крепко обо всём подумать. Все вы по-своему правы и все по-своему не правы.

— Вот это слова истинного сына Александра Невского, — расплываясь в улыбке, сказал боярин Афанасий, — мудрость твоя, князь, досталась тебе от отца твоего, которым я всегда восторгался! Прими правильное решение, а не то, что они тебе советуют. Зять с тестем — это одно тесто. Я же верный слуга твой. Верь мне, мудрый князь.

— Я подумаю, Афанасий Фёдорович, — сказал князь, — но пока новгородцы ещё не приехали сюда и на княжение меня не позвали.

Новгородские послы у Дмитрия Александровича

Вопреки слухам, в Переславль к князю Дмитрию приехал не сам посадник, а лишь несколько новгородских бояр. Никого из них Дмитрий особо не знал и поэтому решил, что, скорей всего, они не самые именитые. Возглавлял их некий боярин Артемий Варлаамович. Артемию было около тридцати лет, и он был неописуемо толстым. Артемию было тяжело даже на коня самому забраться, поэтому он ехал в телеге.

Посланники Новгорода, подъехав к палатам князя, были несколько удивлены тем, что князь навстречу им не вышел и звать к себе на праздничный пир, который, по их мнению, должен был устроить, не спешил.

— Скажи мне, боярин Константин, — обратился Артемий к одному из своих спутников, — может, не рад князь видеть нас или, может, Новгород ему не нужен?

— Сдаётся мне, Артемий Варлаамович, что князь Дмитрий Александрович до сих пор обиду на Новгород держит, вот и не встречает нас. Ну ничего, это он только цену себе набивает. Нам Павша на этот счёт сказал, чтобы в случае чего мы говорили ему, что Андрея Александровича позовём в Новгород княжить, тогда он засуетится.

— А ну как всё равно обиду держать будет? — влез в разговор боярин Ростислав, невысокий и тощий, но всем своим видом пытающийся подчеркнуть свою важность.

Поскольку в своё время бояре Новгорода уже прогоняли Дмитрия, то звать его обратно отправили своих младших братьев и детей, которые пока в политике Новгорода разумели немного.

— Да не будет, — успокоил всех Артемий Варлаамович, вылезая из телеги, — а ну как люди ратные, доложите-ка князю вашему, что мы из самого Новгорода к князю Дмитрию пожаловали!

Князь Дмитрий принял послов Новгорода лишь спустя полдня. Уже вечерело, когда князь Дмитрий велел позвать их к себе в палаты. Новгородцы вошли, ожидая к себе почётногo обращения, но Дмитрий встретился с ними перед вечерней трапезой и даже за стол не позвал.

— По каким делам именитые люди Новгорода ко мне пожаловали? — спросил князь, хотя, конечно же, знал повод.

— Мы, князь, посланы Новгородом, чтобы призвать тебя на княжение в город Рюрика! Нам велено с тобой грамоту заключить и добиться того, чтобы ты крест целовал, что блюсти её будешь, — важно произнёс боярин Артемий Варлаамович.

— У вас ведь княжит мой дядя, великий князь Владимирский и Тверской Ярослав Ярославович?

— Вече изгнало его и наместника его Юрку Па... — увидев недобрый взгляд князя Дмитрия, Артемий замялся и поправился: — Юрия Андреевича, князя Суздальского.

— А-а-а-а, — улыбаясь, сказал Дмитрий, — получается, князя у вас сейчас нет, а вот врагов, наверное, много? Юрий Суздальский, великий князь, ливонцы, датчане! В чём польза мне от такого княжения? Вы ведь, наверное, и грамоту хотите заключить, ещё более ограничивающую права князя, нежели грамота, что с Ярославом вы ранее заключали? Не много ли Новгород теперь хочет?

Боярин Артемий вытер с лица пот, который тёк с него ручьями. Он предполагал, что в Переславле его встретят минимум как важного гостя, и, что разговоры вести подобные

придётся, даже помышлять не собирался. Артемий решил сразу прилюдно сказать Дмитрию, что в случае чего Новгород тоже в состоянии найти себе князя.

— Я тогда, князь, от имени всего Новгорода говорю тебе. Коли не желаешь править нами, то мы позовём к себе князя Андрея Александровича!

— Ну, это ваше право, и подарено оно вам ещё моим прадедом Всеволодом, поэтому запретить вам я ничего подобного не могу.

— Так ты что, княжить у нас не хочешь?

— Не хочу престола, с коего согнали вы дядю моего! Так и передай в Новгороде, пусть ищут князя себе, где хотят. Я против воли великого князя не пойду!

Артемий не знал, что делать. Боярину было тяжело дышать и хотелось поскорее сесть на лавку, но этого ему не предлагали. Артемий поклонился князю Дмитрию и, тяжело дыша, решил поскорее покинуть трапезную. У боярина аж слюнки текли от запахов, которые исходили от кушаний с трапезного стола.

Дмитрий Александрович и Анна Мстиславовна

Когда посланники Господина Великого Новгорода покинули его палаты, а сам он пообедал вместе со своими боярами, то Дмитрий направился в покои своей супруги.

Анна Мстиславовна и Дмитрий обнялись при встрече. То напряжение, которое появилось между ними сразу после брака из-за обвинений княгини в бесплодии, постепенно сошло на нет.

— Дим, говорят, послы из Новгорода приезжали, — спросила Анна Мстиславовна, — что им нужно?

— На княжение к себе звали. Дядю моего Ярослава прогнали и теперь хотели, чтобы я к ним править пошёл и тем самым втянул княжество своё в опасную борьбу с Владимиром и Тверью.

— Правильно, что отказался, — поддержала супруга Анна, — пусть в другом месте себе князя ищут. Нам и в Переславле неплохо сидится.

— Свято место пусто не бывает, — отозвался Дмитрий, — найдут новгородцы себе князя. Если у нас не найдут, то или в Смоленской ветви, или в Рязанской найдут кого-нибудь. Да и среди потомков прадеда нашего Всеволода охотников будет множество. Новгородский стол сильный!

— А что думаешь, Андрей Городецкий, брат твой, не пойдёт к ним княжить?

— Один Бог знает. Новгородский посланник пытался меня этим шантажировать. Но почему-то мне кажется, что Андрей сейчас ничего предпринимать не будет. Говорят, при нём Городец расцвёл и стал настоящим княжеством.

— Да, Дим, годы мира явно идут Руси на благо. Вчера приезжали купцы с Москвы! Предлагали купить разные побрякушки. Я, если честно, думала, что Москва — это небольшая крепостица, которую Даниил, младший брат твой, получил, а они говорят, что Москва — город.

— Время меняется, Аня.

Князь Дмитрий был рад тому, что его поддержала супруга. Конечно же, Дмитрий сильно сомневался в правильности своего решения. Если всё время только уступать, то рано или поздно у тебя ничего не останется.

Княгиня Анна считала иначе. Ей казалось, что именно потому, что князя с древних времён переезжают с княжения на княжение, согласно лествичному праву, и угасают крупные города. Не успевают князь освоиться в городе, как тут же нужно его покинуть и переезжать в другой, более престижный. Переславль ей не нравился. Не нравился тот самый Переславль, куда она приехала, и понемногу она делала свой собственный город.

Анна помнила старика, который в своё время разыграл неприличную сцену, когда она с князем шла в свои палаты, и таким образом напросился на пир. Этого человека уже нет в Переславле. О нём Анна не жалела. Ближний боярин Вадим Всеволодович, тоже её заклятый враг, теперь не может даже говорить и лежит в своём тереме, ожидая, когда уберут за ним нечистоты. Правда, оставался ещё боярин Афанасий Ярополкович, но борьба с ним была делом поистине сложным, так как это был человек хитрый и осторожный. Такого так просто не устранишь.

В её новом Переславле не должно было быть скоморохов и потешников, которые высмеивают её, князя и бояр, а должны быть шуты, которые высмеивают простолюдинов.

Таких она видела однажды в свите западного витязя, который вместе с ратниками своими пришёл к её отцу на службу.

Сразу прогнать скоморохов было невозможно, поэтому для начала Анна решила добиться запрета на скоморошью потеху в дни поста и церковных праздников. В этом её горячо поддержало духовенство.

Сама Анна с духовенством находилась в отличных отношениях. Святые отцы души не чаяли в богобоязненной княгине. Они обратились к ней с просьбой положить конец неким заблуждениям, которые хорошо прижились среди простого люда. Остатки языческих верований и празднеств по-прежнему имели место среди простого люда. Анна обещала помочь с этим вопросом и убедить князя карать за это.

— Дим, — обратилась Анна к мужу, — я говорила с епископом, и он жаловался, что ты разрешаешь языческие обряды людям вершить.

— Аня, наши предки с давних времён совмещают эти народные традиции с истиной православной верой!

— Да, князь, и занимаются свальным грехом, а ещё колдуны болячки лечат. И детей нерождённых на свет не пускают. Решительно надо положить этому конец.

— Ты что-то плохое в этом видишь? Ну, поят травами целебными больных. Так от этого только польза.

— Дима! Колдуны не только полезные отвары готовят, но и яды! Надо выловить всех, кто колдовством занимается, и выпороть, а если не прекратят, то и жизни лишить.

— Это всё епископ тебе насоветовал?

— Нет, сама решила! Дима, бесчинства эти надо прекращать.

— Аня, это всё сложно и требует долгих размышлений. Давай ты сама займёшься этим. Возьми себе два десятка ратников и действуй. Только не переусердствуй.

— Спасибо, Дима. Это пойдёт на пользу нашему княжеству.

Встреча Юрия и Михаила

Юрий с сотней ратников ехал в Торжок. Лето уже перевалило за середину, и теперь каждая ночёвка на сырой земле грозила заболеваниями. Торжок, куда послал Юрия его дядя Ярослав, был городок новгородской земли, находившийся на границе с Тверским княжеством, и именно через него проходили все хлебные подводы, которые следовали в Новгород. Князь Юрий Андреевич ушёл глубоко в себя. После смерти Ядвиги и позора, который свалился на его голову, ему хотелось только выпить побольше хмельного мёду, но сделать это он не мог.

— Князь, — обратился к нему один из его ратников по имени Первак, — мы с Николаем Лосем вернулись с разъезда. Впереди навстречу нам движется рать не меньше двух тысяч воинов. Кто такие, выяснить не получилось, так как они едут тоже с разъездами.

Первая мысль у Юрия была повернуть своих ратников и вернуться. Вставал один вопрос — куда? В Новгород? Поспешить к великому князю? Нет. Оставался один-единственный путь — к Торжку. Именно это он должен сделать. Откуда взялись тут две тысячи ратников? Сила немалая. Впрочем, в худшем случае они порубят моих людей, а я спокойно сдамся в плен, подумал Юрий. Жалко, конечно, что броню с моих мёртвых ратников заберут, но самого меня они едва ли тронуть посмеют. Я крови Рюрика.

— Первак, веди сотню на рать. Будем надеяться, что это не враги.

Ратники пустили своих коней лёгкой рысью и вскоре увидели дозоры неведомой рати. Вместо того чтобы дозорные неведомого войска ускакали, чтобы сообщить о встрече с противником, они, напротив, поскакали навстречу. Юрий скомандовал своим ратникам остановиться.

— Православные! — закричал один из дозорных. — Меня послал княжич Михаил Андреевич. Он ищет своего брата князя Юрия Андреевича. Не видели ли вы его? Он должен с Новгорода ехать.

— Я — князь Юрий, веди меня к Михаилу!

Братья, встретившись, спешили и крепко обняли друг друга.

— Юр, я как узнал, что в Новгороде творится, тут же посадил две тысячи в сёдла и поспешил к тебе навстречу! Со мной Васька, не хочешь поздороваться? Мама сначала не хотела его отпускать в поход, но после уступила, сказав, что он уже не младенец.

— И Васька здесь! А я уж с жизнью простился, думал, новгородская рать.

— А что там в Новгороде стряслось? Я многое слышал, но ничему не верю. Не мог ты с язычницей прелюбодействовать!

Юрий обнял младшего брата Василия.

— Как ты подрос, братик! Настоящий ратник!

Юрий не знал, как быть. У него была сотня воинов, а у Михаила две тысячи, хотя формально эти две тысячи тоже служили ему.

— Юр, командуй привал. Теперь ты князь, а я больше не наместник.

— Миша, как я рад тебя видеть и как я рад оказаться вновь среди своих! Повели рать на Торжок. Великий князь приказал нам продовольствие в Новгород не пускать.

— То есть мы не пойдём на Новгород? Будем в Торжке подводы грабить? У нас под рукой две тысячи ратников! Разнесём всю округу новгородскую, людей угоним в полон, чтобы помнили, что значит суздальских князей обижать!

— Нет, Миша, в Новгороде, если что, против нас и десятитысячную рать собрать могут!

— Разметаем её! У нас обученные ратники, а у них простолюдины!

— Нет!

Михаил опустил глаза и закусил губу.

— Говорят же люди — Паскуда, — хриплым голосом сказал Василий. — Дед твой, король Галиции, со стыда сгорел бы!

— Ты, Вася, ничего не понимаешь! — решил действовать хитростью Юрий. — Я людей наших, суздальцев, берегу. Ну и что даст нам победа над новгородцами? Великий князь обратно город получит, а нам что с того?

— Да ты просто трус, Юрка, — сказал Василий, — мы с братом спешили к тебе на помощь, думая, что ты на сечу поведёшь нас, а ты разбоем решил заняться!

Михаил с силой ударил Василия, и тот упал.

— Замолчи, отрок неразумный, ты, между прочим, с князем говоришь. Юр, как решишь, так и сделаем, а Ваське ещё рано в походы ходить. Не держи обиды на него!

— Миш, а ты тоже меня паскудой считаешь? Только честно?

— Я не знаю, брат. Я помню, как мы дрались в детстве, и тогда трусости твоей я не припомню. Да и о бесстыдствах твоих только с чужих слов знаю, а верю лишь тому, что есть на самом деле. Ты для меня как был братом, так им и останешься. Вася просто плохо тебя знает. Не сердись на него. К тому же ещё очень горяч он. Это пройдёт, как в битве побывает. Помнишь, как мы под Раковором стояли супротив ливонцев и датчан? Когда по нам рыцари ударили, то я грешным делом думал, что жизни лишусь.

— Многие в тот день её лишились. А я иногда жалею, что сохранил свою. Вот погиб бы там, и не было бы всего того, что случилось.

— Возьми себя в руки, брат! Только Господь решает, когда и кого на суд звать к себе.

Встреча Ярослава с дочерью

Великий князь двинулся в Тверь, расставшись со своим неудачливым и трусливым племянником. Тот должен был по его указанию останавливать все поступления продовольствия в новгородскую землю.

Тверь, пожалуй, была самым любимым его городом на Руси. Здесь Ярослав правил много лет, и здесь жила его дочка, которую он очень давно не видел. Ярослав Ярославович не часто думал о Ксении-дочери и несколько переживал от предстоящей встречи. Девушку надо было выдавать замуж или посвящать Богу. Больше тянуть с этим было нельзя.

За несколько дней до приезда в Тверь он обо всём договорился с хитрыми посланниками Галицкого короля. Вместе они пришли к выводу, что в Галице нет нужды знать о небольших проблемах, которые внезапно свалились на великого князя Владимирского.

Ярослав приказал укреплять Тверь, и город был обнесён крепостной стеной. Вокруг кремля выросли посады.

Дочь его Ксения жила в отдельном тереме и нередко встречалась со своим братом Святославом, который в основном и рассказывал великому князю о ней.

Ярослав Ярославович, прибыв в свои палаты, позвал к себе верного человека и наказал ему привести к нему его дочку. Этим верным человеком был некий боярин Андрей Вратиславович, преданный великому князю человек, уже не один год ему служивший.

Встреча великого князя с дочерью произошла под вечер. Княгиня Ксения не решилась встретиться со своей падчерицей, которая была всего на несколько лет младше её, и поэтому пошла в церковь.

Великий князь готовился к разговору с дочерью. Он не знал, с чего начать. Между тем девушка вошла в его покои, и Ярослав замер. Перед ним словно с того света явилась его первая супруга Наталья. Великий князь почти забыл её, но теперь именно она стояла перед ним.

— Желаю вам здоровья, батюшка! — сказала княжна Ксения и склонила голову.

— Ты выросла, княжна, и стала совсем красавицей, — сказал великий князь, — пришла пора выдавать тебя замуж.

— Да, батюшка, — отвечала Ксения.

— Ксюша, а ты не спросишь, за кого?

— Нет, батюшка!

Ярослав Ярославович уловил в голосе дочери смертельную обиду. Как же так могло быстро пролететь время, что он даже не заметил, что она выросла? Погружённый в различные проблемы и государственные дела, он совсем о ней забыл. А теперь перед ним стоит совершенно чужой человек, который сильно на него обижен и, скорей всего, никогда его не простит.

— Мы редко виделись с тобой, Ксюша! — сказал великий князь и поймал себя на мысли, что при имени Ксюша в его голове возникает совсем другая.

— Да, батюшка. Один раз за семь лет.

— Прости меня, дочка, дела государственные!

— Я понимаю, батюшка.

Ярослав Ярославович замолчал. Княжна Ксения тоже не нарушала тишину. Великий

князь хотел хоть как-то загладить свою вину и постараться вернуть себе свой статус отца.

— Приходили ли тебе мои подарки и радовали ли они тебя, дочка?

— Да, батюшка. Но, к сожалению, я не играю в куклы уже очень давно.

— Твоим женихом будет сын короля Льва Галицкого — Юрий Львович. Станешь когда-нибудь не княгиней, а королевной, Оксана!

Ярослав просто не мог называть дочь именем своей жены.

— Я очень рада, батюшка. А можно один вопрос вам, батюшка, задать?

— Да, конечно, Оксана!

— Говорят, я сильно похожа на мать. Поэтому вы со мной не виделись? Из-за этого?

Великий князь закусил губу. Солгать ей он не хотел, а сказать правду было очень стыдно.

Он забыл о её существовании и вспоминал лишь, когда о ней напоминал его сын.

— Не знаю, Оксана, просто дела государственные...

— Если вас не затруднит, батюшка, называйте меня, как все, Ксенией! Или это имя моей мачехи?

— Хорошо, Ксения. Скоро мы простимся навсегда, и я хочу, чтобы ты помнила обо мне хорошее. Я решил подарить тебе вот это кольцо. Когда-то его носила твоя мать. Оно не очень дорогое и сделано из дерева, но твоя мать считала его приносящим удачу.

— Батюшка, вы подарили мне подобное десять лет назад. Их было два? — язвительно спросила княжна, показывая руку, на которой было точно такое же кольцо.

Ярослав Ярославович помнил, что у его первой супруги было такое кольцо, но понятия не имел, куда оно делось после её смерти, и перед встречей с дочерью приказал принести ему подобное.

— Наверно, два, а знаешь, Окс... Ксе... дочка, я подумал, а что, если тебе поехать перед свадьбой во Владимир?

— Батюшка, если мне предстоит проститься с родным городом, то я хотела бы, чтобы это была Тверь. Я во Владимире буду тебе только мешать. Моя сестра Любушка умерла? Вы, батюшка, меня с ней даже не познакомили!

— Нехорошо получилось. Что говорить. Всё этот Новгород окаянный. Ни минуты от него покоя нет! Ладно, дочка, рад, что ты в добром здравии! Я бы с тобой ещё поговорил, но дела государственные.

— Ну да, и матушка, наверное, из церкви вернулась. О ней не забудьте, батюшка.

Великий князь промолчал и закрыл глаза. Вот так вот оно в жизни получилось. Дочка, оказывается, уже выросла, а он и не заметил.

Фёдор Ростиславович и Василий Квашня

Боярин Фёдор Ростиславович спешно шагал к своему князю Василию Ярославичу, младшему брату великого князя. Фёдор в этот раз спешил рассказать интереснейшие новости. Конь гонца, принёсшего их, ещё не успел остыть.

Князь Василий в это время кормил лебедей на речке и вёл медленную и чинную беседу со стариком, которого звали Сбыслав Мирославович. Сбыслав не был духовным лицом, но считал своим долгом не только трактовать законы церкви, но и совать свои лапы в управление государством.

— Не ищи золота для себя, Василий! Посмотри на лебедей, разве нужно им золото? Они и без этого прекрасны. Оставь княжение своё и удались в места глухие, там найдёшь ты единение с Господом Богом.

Фёдор Ростиславович посмотрел на князя и на старца и с грустью понял, что пришёл не вовремя. По всей видимости, сейчас этот старик начнёт нести всякую глупость о чистоте, а князь опять что-нибудь ему подарит. Лучше бы Церкви строил, подумал Фёдор, чем всяких проходимцев слушал. Сбыслав этот едва ли благочестивой жизнью похвастаться может. Скверный, по всей видимости, человек. И откуда он только взялся! Убеждает князя чуть ли не от княжества отказаться и всё отдать старшему брату.

— Князь, — обратился к Василию боярин, — у меня срочные новости из Новгорода!

— Вот, князь, погляди, как этот негодяй тебя от мыслей умных уводит в пучину мирскую! Не хочешь ли с нами, боярин, покормить лебедей?

— Да, Фёдор, — сказал с улыбкой князь Василий Ярославович, — на вот, покорми тоже лебедей!

Боярин неуверенно взял в руки кусочек хлеба из рук князя и, не ломая, бросил в реку, при этом подумав, что в голодный год такая краюха могла спасти жизнь человеку. А год этот выдался неурожайным. Как бы зимой нехватка хлеба не началась.

— Князь, — сказал боярин Фёдор, — прискакал гонец из Новгорода и сообщил, что вече изгнало великого князя!

Боярин увидел, как блаженное лицо старика буквально на мгновение резко изменилось, а после вновь приняло прежний вид.

— И кого новгородцы решили себе в князья избрать? Дмитрия Александровича?

— Да, но сказывают, что отказался он. Князь, можем и мы попробовать Новгородом овладеть.

— Василий, — строго сказал старик Сбыслав Мирославович, — не ищи себе новых уделов, а отдай всё старшему брату и удались в глушь!

— Вы, Сбыслав Мирославович, человек не духовный и не боярин, чтобы князю советы давать, — сказал Фёдор Ростиславович, — чует моё сердце, князь, что война может начаться.

— Фёдор, зачем ты только и думаешь, что о стремлении к власти! Я и так наследую великокняжеский стол после смерти брата! Всеми своё время!

Квашня, подумал Фёдор о князе, но вслух лишь произнёс красивые слова:

— Не за богатства беспокоюсь я, а за землю русскую. Как бы кровопролития большого не случилось!

— А ты думаешь, мой брат супротив Новгорода с ратью пойдёт?

— Думаю, что не только с ратью, но может ещё и поганых на земли русские привести!

— Что скажешь, Сбыслав Мирославович?

— Так я лицо не духовное и не боярин, вот, видно, и не следует мне советы тебе давать, князь, — чинно начал старик, но после, сам себе противореча, принялся давать совет: — Новгород — это, конечно, неплохо, но тебе стоит и об уговоре нашем помнить, чтобы дал ты мне средства, как и договаривались, для строительства терема для людей умудрённых, чтобы они спокойно науки разные постигать учились. А что по поводу Новгорода, то по мне так, может, и есть смысл кровопролитие остановить. Дело это государственное.

Боярин Фёдор выругался про себя. Вот сейчас этот негодяй оберёт князя, получит средства, а после в один прекрасный день с ними исчезнет.

Князь костромской Василий, закончив кормить лебедей, вскочил на коня и поскакал в сторону своих палат, бросив боярину и старику, что всему своё время. Это была любимая присказка князя.

Василий скакал на коне и размышлял. Все считают его в лучшем случае глупым, а поэтому едва ли остерегаются. Спешить нельзя ни в коем случае. Надо всё делать в своё время. Стоит сейчас предъявить свои права на Новгород, и против него ополчится вся Русь. Пусть эти хитрецы думают, что я князь-дурак. Настанет время, и они поймут, кто я на самом деле! Пока они должны думать, что я буду вечно ждать смерти своего братика. Всему своё время!

Возвращение Михея

Ярослав Ярославович находился в Твери. Сюда же он стягивал все свои воинские силы. Однако великий князь понимал, что предсказать победителя в случае войны будет невозможно. Куда больше он надеялся на старый проверенный метод, который неоднократно помогал владимирским князьям держать Новгород в подчинении.

Город Рюрика, торговый, богатый и зажиточный, всегда испытывал нужду в хлебе и закупал его в Низу, то есть во Владимиро-Суздальской Руси. Занятие князем Юрием Андреевичем Торжка останавливало всю торговлю, и в ближайшем времени в Новгороде должна была начаться нехватка хлеба.

Великий князь прекрасно всё это понимал и надеялся, что его рать не будет проливать кровь. Конфликт должен был быть решён в ближайшее время сам собой без крупного военного столкновения. Однако стоило ещё крепко подумать, выгодно ли это ему. Может, стоит уничтожить вольный город и на его месте воздвигнуть другой, покорный ему? Великий князь часами думал над этим вопросом и не мог найти ответа. Одна опасная мысль пришла ему в голову. А не настал ли тот момент, когда и в Новгороде должны услышать стук копыт татарских туменов?

К великому князю в палаты зашёл ратник и сообщил, что перед его теремом стоит какой-то старик и хочет предстать перед судом княжеским, так как в своё время он совершил поджог.

— Великий князь, — продолжал ратник, — мне кажется, что он не совсем в своём уме, так как при разговоре он постоянно брызжет слюной и чихает. Может, погнать старого дурака прочь?

— Нет, веди его сюда, — сказал великий князь, — посмотрю, в чем этот дурак хочет признаться.

Ярослав Ярославович едва не побежал сам к этому дураку. Может, это его соглядатай Михей надел иную личину? Похожие методы. А может, и правда какой-нибудь дурак вспомнил о грехе столетней давности и хочет понести наказание.

В палаты князя ввели старика в грязной одежде, и Ярослав сразу узнал своего соглядатая и настоящего друга. Однако при ратнике он сурово поглядел на старика и спросил:

— Знаешь ли ты, что по Русской правде бывает за поджоги?

— Ведаю, великий князь.

Ратник вышел из комнаты, оставив великого князя наедине со стариком. Едва ратник вышел, Ярослав тут же встал и быстро подошёл к Михею. Оба крепко сжали друг друга в объятиях.

— Я уже грешным делом похоронил тебя, Миша!

— Не спеши хоронить меня, великий князь. Однако пришёл я к тебе с не очень добрыми вестями.

— Говори, Миша!

— Ну, во-первых, в Орде не очень тобой довольны и, скорей всего, будут пытаться тебя ослабить. Потеря тобой Новгорода, скорей всего, заставит их немного поубавить пыл, но, в общем, думаю, там начнут поддерживать твоего брата Василия. Я приставил к нему своего человека, но вестей пока не имею.

— С чего решил, что в Орде будут поддерживать Василия? Сам додумал или сведения от

кого получил?

— Сведения, великий князь. Через один проверенный источник я узнал, что в Орде великий царь и хан Мангу-Тимур хочет перекроить карту Руси. Великий князь Рязанский Роман Ольгович был четвертован. Говорят, что когда он привёз ханский выкуп, то плохо говорил о веровании хана. Но обычно за такое жизни не лишают.

— Ну, как я понимаю, это только первое. Говори и второе, Миша.

— А второе — это то, что возле тебя находится убийца, который в случае чего должен будет нанести по тебе смертельный удар.

— Кто это?

— Август из Кракова. Это он в своё время подослал к Юрию Ядвигу, и та опаивала князя особым зельем.

— Думаешь, казнить его побыстрее?

— Нет, великий князь. Убьёшь его — подошлют нового. Спешить не надо. Ты, главное, знай и помни про это.

— Спасибо, Миша.

— Ладно, великий князь, больше мы с тобой в этой моей личине не поговорим. Если ещё увидимся, то я приду в личине боярина.

— Буду знать.

— Теперь выгоняй меня, как дурака.

Великий князь заулыбался и ещё раз обнял Михаила.

— Береги себя, Миша. Что делать, говорить тебе не стану, так как это ты лучше меня знаешь.

— До встречи, великий князь.

Ярослав прогнал старика и сильно задумался. Вести о том, что в Орде им не очень довольны, не могли улучшить настроение. Хан и великий царь, конечно, едва ли решится его прилюдно лишить жизни, но ведь история с его братом Александром может и повториться. Ярослав до сих пор не верил, что его брат умер сам, а не от яда. Если бы Александр остался жить, то, кто знает, не свергли бы и вовсе иго. Брата Ярослав не только любил, но и уважал. Впрочем, как и любой на Руси.

За своё правление Ярослав любви народной так и не завоевал и прекрасно понимал, что едва ли сможет. Однако сила у него под рукой была немалая, а если он вернёт Новгород, то может получиться, что он стал даже сильнее Александра. В Орде такое не прощают, и все свои помыслы о том, что хан и великий царь утвердит на Руси новый порядок престолонаследия, можно забыть. Однако нужно ли для этого слово хана? Может, достаточно его слова?

Знакомство князя Андрея с Семёном Тониглиевичем

В Городец вести о делах новгородских пришли уже к концу лета. Впрочем, Андрей Александрович узнал о них задолго до этого, однако предпринимать ничего не спешил. Князь жил своей жизнью, занимался охотой и строительством, пытаясь превратить Городец в укреплённую крепость. Он приказал вырыть вокруг города ров и обнести город деревянной стеной.

Особое внимание князь уделял даже не оружию своих ратников, а умению его применять. Часы проводил он сам вместе с ними, отрабатывая воинские умения. Впрочем, князь вовсе не собирался поскорее ввязаться в какую-либо междоусобицу.

Лето подходит к концу. Вскоре начнёт резко холодать. Андрей понимал, что это не только последние дни лета, это, скорей всего, последние дни мира, которые подарил его отец. Даже после его смерти Русь продолжала набирать мощь и теперь уже вновь могла начать представлять опасность для Орды, которая также не была единой. Последние летние деньки вот-вот уйдут, а им на смену вместе с осенью придёт либо междоусобная, либо какая-нибудь иная война.

— Князь, — обратился к Андрею уже взрослый муж, лет на десять его старше. Андрей не раз замечал его здесь, в поле за городом, где он тренировал своих ратников, — меня зовут Семён Тониглиевич, я родом из Костромы, а сейчас живу в Городце. Я хочу служить тебе.

— Семён, — сказал князь, посмотрев на этого, по всей видимости, неслабого мужа, — а ты умеешь владеть оружием?

— Нет, князь, этому я не обучен! Иным промыслом я занимался с малых лет. Но пользу принести могу.

Андрей немного помолчал, раздумывая о Семёне. В свою дружину он брал только тех, кого отцы обучили ратным умениям, так как в противном случае для того, чтобы сделать из них настоящих ратников, ушли бы многие годы.

— Значит, Семён, я не смогу взять тебя к себе в дружину. Не серчай на меня, Семён, но ты можешь найти себе иную службу. Мне сильные люди всегда нужны.

Семён опустил глаза. Видно было, что этот муж не один день готовился к разговору с князем и теперь всего несколько фраз разрушали все его надежды. Однако он вовсе не собирался сдаваться.

— Князь, твои дружинники хороши только в сече. Да, они разметают простолюдинов и достойно будут биться с им подобными, но на обучение уходят годы. А так ли будут они хороши, если биться будем без правил?

— Семён, если хочешь, я могу испытать тебя. Если одержишь верх в поединке с моим ратником или хотя бы достойно проявишь себя, то могу взять тебя к себе в дружину.

— Не это я имею в виду, князь! В чистом поле я ратнику твоему проиграю, а вот если выскочу из-за куста, то видит Господь, едва ли он мне опасен. Проще говоря, другому я учился. И есть у меня люди, которые вынуждены недобрыми делами заниматься. Вот если бы мы могли бы к тебе на службу пойти, то и недобрые дела оставили бы.

— Ты хочешь сказать, что ты с татями знаешься?

Семён прищурился. Он понимал, что говорить надо, взвешивая каждое слово.

— Не то дело, князь. Не тати мы, а люди удалые. Если возьмёшь нас под свою руку, то могли бы мы быть особой дружиной, которая не биться в чистом поле умеет, а ударять

исподтишка, так, что и узнать никто не сможет.

— Сколько у тебя таких людей, Семён?

— Пока не очень много, три десятка, но если ты возьмёшь нас под свою руку, то станет значительно больше.

— А кто старший ваш?

— Старшего мы на кругу выбираем, как новгородцы, и зовём его атаманом. Я и есть атаман.

— Мало на Руси города, где всё выбирают, ещё и войско такое появится. Ладно, Семён, приводи своих людей. Я хочу поглядеть на них и испытать, а там и о нужности вашей подумаем.

— Добро, князь, завтра приедем к тебе!

— А вы что, конные?

— А как же, князь, на коне сподручнее. Оружие и броня у нас свои, так что содержать нас будет куда менее накладно.

Воинство Тониглиевича

На следующий день на поле за городом, где Андреевы ратники выезжали своих коней и учили их скакать как одно целое, подъехали три десятка молодцев. Князь заулыбался. Перед ним были самые настоящие тати. Вооружены были кто чем. Вместо шлемов они носили меховые шапки, словно кочевники, правда, кони под ними были на загляденье. Тати с опаской поглядывали на дружинников, которые, увидев их, подняли их на смех.

— Это вы сдаваться пришли, тати! — закричал один из дружинников.

Князь Андрей подъехал к людям Тониглиевича и осмотрел их.

— Ну, молодцы с большей дороги, пришёл ко мне ваш атаман и на службу попросился. Скажите, что вы умеете?

— Если мы, князь, втроём набросимся на одного твоего дружинника, то сможем одолеть его.

И князь, и дружинники засмеялись. Немудрено втроём на одного наброситься и одолеть.

— А вот если три твоих дружинника набросятся на одного нашего, то только зря время потеряют!

— А вот это ещё проверить надо, — сказал один из ратников Андрея, — пусть втроём меня схватят.

Князь Андрей кивнул, давая согласие на потеху. Ратники князя и люди Тониглиевича разъехались, давая простор для схватки. Осталось лишь трое ратников.

— Ну, коли кого побью, то не взыщите! — крикнул ратник и надел шелом.

— Это едва ли возможно, ратник! — весело крикнул ему один из татей.

Все тати тут же достали луки и прямо на скаку пустили несколько стрел в коня дружинника. Дружинник явно такого не ожидал, так как даже на поле битвы всегда коней жалели, считая их главной воинской добычей.

Раненое животное сбросило своего всадника. Ратник обнажил меч, готовясь отомстить за своего боевого друга, но тати вместо того, чтобы атаковать, расскакались. Они не спеша подъезжали к нему с трёх сторон по очереди, при этом все трое улюлюкали.

— Идите и сражайтесь, трусы!

Всадники подобно татарам понеслись на него со всех сторон, и каждый метнул по аркану, которые лишили ратника возможности оказать хоть какое-то сопротивление.

— Князь, ратник твой в полон взят! — крикнул один из татей.

— Никита, бери десятков и накажи татей. Продолжаем потеху!

Никита, десятник княжеской дружины, тут же взмахом руки направил десять своих ратников на трёх татей.

— Посмотрим, Тониглиевич, смогут ли твои ратники, как похвалялись, выйти из воды сухими!

— Смогут, князь, вот увидишь!

Между тем десятник Никита, поняв, что тати бьются не по правилам, решил отплатить им тем же.

— Старайтесь ранить их коней! Не дайте им уйти!

Трое татей не растерялись и вместо того, чтобы пуститься наутёк, что-то бросили перед собой и неторопливо поехали подальше от дружинников. Едва кони ратников Андрея доскакали до места, где тати что-то бросили, как тут же начали спотыкаться и падать,

сбрасывая седоков. Лишь несколько всадников успели развернуть своих коней и объехать разбросанные шипы. Тати развернулись и приветливо помахали рукой дружинникам.

— Идите и поймайте нас, у нас ещё много сюрпризов!

Князь Андрей поднял руку, давая понять, что потеха закончилась.

— Твои люди обучены по-иному, не так, как мои. Если не ожидать их фокусов, то они могут нанести вред, но только в первом столкновении. Чего вы хотите за службу?

— Мы, князь, хотим за службу, чтобы выделили нам землю, где мы смогли бы построить своё поселение и не должны были бы ни тебе, ни кому-то ещё платить. Мы будем сами решать, как пользоваться землёй этой — охотиться там или рыбачить, сажать или нет. Мы будем в случае брани всей деревней выходить под твои знамёна, а в мирное время пошлём к тебе каждого десятого ратника, чтобы служил тебе. Оружие и броня у нас свои, но и в добыче воинской доля наша будет только нам самим принадлежать.

— Ну а хану за дворы ваши кто платить будет?

— Ты, князь, мы же тебе будем служить.

— А место для деревни уже облюбовали?

— Да, князь.

— Согласен, Тониглиевич. Хочу, чтобы ты хотя бы пять сотен таких вот молодчиков собрал. Сможешь? А пока вы мне все нужны будете, и коли службу сослужите, то будете щедро одарены.

— Рады стараться, князь. К весне пять сотен соберу. Только чтобы вооружить их всех, нам нужно будет в походах участвовать.

Княгиня Ксения сообщает Ярославу о беременности

Великий князь и княгиня жили в Твери. Сюда же стягивалась и рать со всей Руси. Готовились к походу на Новгород.

— Ярослав, — вновь и вновь начинала Ксения, — не зови поганых на землю русскую! Не простит народ тебе этого. Новгород, может, и своеволен, но это наш, русский город. Если ты приведёшь туда татар, то и последний город земли русской пострадает!

— Ксения, было время, я тоже так думал, но теперь вижу коварство новгородцев. Этот город никогда не принадлежал Руси, а испокон веков хотел, чтобы сама Русь служила ему. Здесь, во Владимире и Твери, прекрасно помнят стук копыт монгольских всадников и понимают, почему нужно единое государство, а там знают только денежную цену всего. Новгородцы готовы платить золотом, а мы платили кровью.

— Ярослав, ради нашего будущего ребёнка не разорь Новгород! Не начинай войны междоусобной, прошу тебя!

Ярослав был обрадован вестью о беременности своей супруги, но сейчас ему было не до этого.

— Ксения, Новгород не должен быть таким, каким ты его знаешь. Я наведу там порядок. Пусть знают, что они зависят от нас.

— Я знаю, что ты послал Юрия в Торжок останавливать обозы с хлебом. Ярослав, от этого пострадают простые люди. Они сами соберутся на вече и пошлют к тебе послов, чтобы ты вернулся к ним.

— Не думаю, Ксения. Новгородцы скорее постараются, чтобы здесь, на Руси, полились реки крови, а мы грызлись за их город, как псы грызутся за кость. Но зря стараются. Вчера пришёл гонец от Дмитрия Переславльского, он сказал, что тот отказался от новгородского княжения. Мои племянники верны мне, и новгородцам стоит задуматься. Если я возьму этот город, то я там не только старых порядков, но и камня на камне не оставлю.

— Что ты такое говоришь! — вскрикнула Ксения. — Ты хочешь мстить, а ведь там, в Новгороде, живут простые люди, которых дурят, как хотят. Если вспыхнет эта война, то радость будет только в Орде и Ордене. Если ты прольёшь кровь соотечественников, то никогда не сможешь возглавить их, Ярослав.

Ярослав и сам сомневался в своём решении разорить Новгород. Слишком сильно сейчас он был подвержен гневу, но были в этом решении и другие моменты. Своевольный Новгород никогда не подчинится ему и всегда будет раскалывать Русь на несколько враждующих лагерей. Этот город должен перестать быть таким, каким его все привыкли видеть. Новгород должен склониться, и не только из-за того, что у них подходят к концу запасы хлеба. Люди города Рюрика должны узнать, что такое татары и почему они должны склоняться перед великим князем. Много должно пролиться крови.

Ксения Юрьевна была обижена на Ярослава. Он никак не отреагировал на её слова о беременности и не собирался слушать её советов, только и мечтая о мести.

Сложными были и отношения Ксении с её падчерицей. Юная княжна ненавидела её всей душой и не скрывала этого. Ксения-дочь считала княгиню виновницей всех своих бед и как-то при разговоре, когда женщины занимались рукоделием, прямо сказала, что однажды она отомстит.

— Ты не всегда будешь княгиней, — сказала княжна своей мачехе, когда они остались

наедине, — настанет день, и я спрошу с тебя за то, что ты не задумываясь разрушила мои отношения с отцом. Было время, когда ещё была жива мать, мы с отцом вместе играли... Но тебе этого не понять. Тебя в твоей семье учили только, как можно зариться на чужое. Мы с братом никогда этого не забудем.

— Ксюша, — ответила княгиня, — когда я приехала во Владимир, то была совсем ребёнком, младше тебя. Я очень боялась всех и никогда не желала тебе зла! Твои родичи не приняли меня, и я вынуждена была стать такой. Я не оправдываюсь перед тобой, княжна. Ты родилась Рюриковной, а я ей стала. У нас разные пути. Меня тоже не спрашивали, за кого я хочу замуж. Я только очень боялась, что твой отец запрет меня в тереме и едва ли я смогу иметь простое семейное счастье. Как видишь, детей у меня пока нет. Тебе перед браком я дам один совет. Будь полезной, княжна, и муж будет с тобой.

— Красивые слова, купчиха. Но помни — я отомщу! Ты научила меня ждать, и я дождусь своей мести.

Совет новгородских бояр

На улице моросил мелкий дождик, когда ко двору посадника Павши Ананьевича подскакал гонец на взмыленной лошади. Посадник был полностью загружен насущными делами и совсем не заметил, как лето плавно закончилось и листья стали опадать. Солнечные дни стали редкими, зато зарядили дожди.

Павша Ананьевич, посадник Новгорода, был вынужден решать одну из самых болезненных для Новгорода проблем — продовольственную. В городе пока ещё были запасы зерна, но из-за того, что Юрка Паскуда стал останавливать обозы, везущие зерно в Новгород с Низа, цены на хлеб взлетели. Народ пока не роптал, но посадник себя обманывать не хотел. Он прекрасно понимал, что если эту проблему не решить, то ударят в вечевой колокол и сместят его. Вон боярин Михаил Мишин и вовсе поговаривает, что зря, мол, великого князя прогнали. Он, мол, законный правитель и прочее. Да и боярин Павел Дмитриевич, тот самый, что грозился вече своё собрать, чтобы великого князя не изгоняли, его поддерживает. Правда, Павел Дмитриевич пустозвон, и бояться его не стоит. Боярин любит нагнать на себя важности, но едва ли решится предпринять какие-нибудь действия.

Павша прокашлялся и вышел к гонцу. Простуда привязалась к старику и никак не хотела проходить.

Гонец спрыгнул с коня и, поклонившись Павше Ананьевичу, начал говорить:

— Боярин Артемий Варлаамович кланяется тебе и говорит, что князь Дмитрий Александрович не хочет принимать престол, с которого вы согнали его дядю. Артемий Варлаамович сообщает ещё, что он двинулся к другому сыну Александра Невского — Андрею Городецкому.

— Спасибо, сынок! Иди, откушай с дороги.

Павша Ананьевич послал своего внука Захара созвать бояр к нему в терем, чтобы держать совет.

Именитых людей Новгорода ждать посаднику пришлось не менее четырёх часов. При князе они собирались за час-полтора, отметил посадник. Если так и дальше дело пойдёт, то они совсем из повиновения выйдут и станут творить кто что захочет. Всё-таки хоть какой-то князь нужен. Нельзя Новгороду без него! Пропадёт!

Самым последним пришёл Себеслав Игоревич, зять посадника. Себеслав сильно нажился на торговле хлебом и теперь считал себя едва ли не сильнейшим и влиятельнейшим человеком Новгорода.

Именитые люди, собравшись в тереме у Павши Ананьевича, ссорились между собой, выясняя торговые интересы. Кто-то наживался на нехватке хлеба, а кому-то это грозило и вовсе разорением.

— Именитые люди Новгорода, — обратился ко всем посадник, однако бояре, не слыша его, жарко спорили о ценах на хлеб.

Павша Ананьевич постоял немного и вновь обратился к боярам.

— Беда! Князь Дмитрий Александрович не хочет княжить в Новгороде!

Услышав слово «беда», именитые люди Новгорода хотя бы обратили внимание на своего посадника. Впрочем, кто хочет, а кто не хочет княжить, никого из них не интересовало, так как каждый считал, что князя просто мечтают получить такой лакомый кусочек, как Новгород.

Бояре продолжили свои споры, иногда посматривая на Павшу Ананьевича, словно недоумевая, зачем старый дурак отрывает их от важных дел. Сам бы лучше занялся делом. Сейчас не наживётся только совсем глупый.

— Что делать будем, бояре? — спросил у них Павша Ананьевич.

Именитые люди Новгорода на несколько секунд перестали спорить, выказывая дань уважения посаднику, но что-то отвечать и советовать ему никто не собирался.

— Сдаётся мне, что вам совсем не интересно, чем обернётся изгнание великого князя, а я вам, бояре, скажу. Это вы сейчас на хлебе наживаетесь, а когда народ с вас ответ потребует, что делать будем? Когда великий князь с ратью под Новгород придёт, вы также будете только о торговых делах думать?

— Павша Ананьевич, — ответил ему боярин Антон Васильевич, тот самый, у кого в своё время Ядвига отобрала терем, — за дни, когда Юрка Паскуда управлял нами, мы чуть не разорились. Вот сейчас самое время и мощну пополнить. Он нас сам разорил, а теперь сам и озолотит.

— Бояре! Вы что, не понимаете, что великий князь только и ждёт того, чтобы голодный народ собрал вече и потребовал позвать его обратно!

— Ну вот когда потребует, тогда и позовём, посадник! — на голубом глазу сказал боярин Себеслав Игоревич, зять Павши.

Новгородские бояре продолжили свои споры, и посадник понял, что остался совсем один. Все теперь только о своём благе думают и о том, как нажиться, а вовсе не о городе и не о том, как вольницу города сохранить. Большинству вполне хватало того, что им дали возможность крепко набить свои карманы, а остальное их едва ли интересовало. Павша понял, что если не начать действовать жёстко, то за всё расплачиваться придётся ему одному.

— Вот что я вам скажу, именитые люди Новгорода. Я посадник, и я запрещаю с сего дня торговлю хлебом! Ежели кто ослушается, то знайте, любой гражданин Новгорода сможет забрать хлеб этот бесплатно и наказания за это не понесёт никакого.

Бояре враз смолкли и усталились на Павшу Ананьевича, который сразу приосанился и неспешно продолжил:

— Нам надо определить, кто будет нашим тысяцким. А после мы соберём вече, чтобы народ его утвердил. Кого тысяцким избрать думаете, бояре?

— Павша, это что значит, что торговать хлебом ты не разрешаешь?! — воскликнул боярин Варфоломей Ильич, тоже обобранный в своё время Юрием Андреевичем. — Тебе хорошо, ты посадник, а нам как жить прикажешь? Если хлебом не торговать, то мы едва ли убытки свои покроем.

— Правду говорит боярин, — поддержали его остальные.

— Тебе, Павша Ананьевич, хорошо, тебя Юрка Паскуда не грабил, а нам своё вернуть надобно! Как торговали хлебом, так и будем, а не то и вовсе всё попрячем, и сам думай, чем народ кормить! — поддержал Варфоломея Ильича боярин Антон Васильевич.

Павша Ананьевич не знал, что и делать. Заставить бояр что-либо сделать он не мог. Для этого и нужен был князь. А оставшись без него, Новгород превращался в большой рынок, где всё решали только деньги. Если это не остановить, то рано или поздно кто-нибудь и сам город продать решился бы.

Слово взял Себеслав Игоревич. Поскольку он нажился на торговле хлебом больше других и планировал ещё наживаться, то его интерес был, наверное, самым большим из всех.

— Хоть ты и тесть мне, а говорить тебе в глаза не побоюсь, — под одобрительный гул

начал свою речь Себеслав, — это ты хотел к власти прийти и нас подбивал против великого князя, а теперь, после того как мы поддержали тебя, сам хочешь править как князь. Не бывать этому, дорогой Павша Ананьевич. Я, хоть и родственник тебе, плясать под твою дудку не намерен. Коли запретишь торговать хлебом, так мы сами вече созовём и потребуем от тебя ответа. Почему после того, как ты к власти пришёл, нам хлеб перекрыли?

Павша Ананьевич понял, что его пытаются сделать крайним, и решил встать на сторону тех, кто от роста цен на хлеб только терял.

— А я вот что тогда, боярин Себеслав, тебе скажу. Не ты один убытки терпел! Все мы здесь пострадали, пока Паскудник мучил нас. Так почему только вы должны мощну свою пополнять слезами православных? Не бывать этому сраму! Вон боярин Роман Константинович тоже от Юрки Паскуды пострадал, а на слезах православных наживаться не стал! Я вам тоже этого не позволю. Хотите торговать хлебом — ладно, торгуйте, но чтоб цена более чем в десять раз не увеличивалась. Ты вон, Себеслав, сказывают, в сорок раз цену увеличил! Не по-христиански это. Не более чем в десять раз! А с продажи будете в казну города пятую часть отдавать, и с них я буду жертвам Юркиного произвола компенсации выплачивать.

Теперь бояре окончательно разделились на два лагеря. Те, кто успел скупить хлеб, были категорически против, а те, кто не успел, стояли стеной за посадника.

Давно наступила ночь, а обсуждать должность тысяцкого так и не начали. Уже к утру приняли решение, что цена на хлеб не должна превышать в двадцать раз цену, которая была при Ярославе, и в казну должны платить всего десятую часть. Грамот никаких составлять не стали, и разошлись все очень недовольные, при этом каждый считал себя ограбленным и несправедливо обобраным, включая Павшу Ананьевича, который между делом присваивал себе две трети доходов города, но, занятый делами государственными, не успел скупить хлеб.

Великий князь и боярин Андрей Вратиславович

Великий князь Ярослав Ярославович находился в Твери. Осень вступала в свои права, и солнечные дни сменились ненастьем. Подули холодные ветры, и немощёные дороги вновь стали непроходимыми. Шёл конец октября.

Ярослав Ярославович твёрдо решил, что пришло то время, когда новгородская вольница должна остаться только в песнях простых людей. Великий князь позвал к себе своего старого друга — боярина Андрея Вратиславовича. Андрей жил в Твери и не захотел поехать с ним в своё время во Владимир. Великий князь не раз уговаривал его последовать с ним, но старый друг предпочитал Тверь. Теперь многое изменилось. Этим летом умерла супруга Андрея Вратиславовича. Причину смерти выяснить не удалось. Женщина, никогда не жаловавшаяся на здоровье, просто взяла и утасла за несколько недель. Андрей не знал, что ему делать. У него от жены осталось трое детей. Два сына и дочка. Как раз в это время великий князь и прибыл в Тверь.

— Андрюш, — начал великий князь, — понимаю твою печаль и тот долг, что на тебе лежит, но вот что я тебе скажу. Раз ты жив, значит, такова воля Господа! Помнишь, в своё время ты тоже утешал меня? Пробудись, боярин! Сынам твоим настало время пойти в мою дружину. К тому же старшему, Ярославу, я и вовсе отец крёстный, да и юного Вратислава я к себе заберу. Пусть тоже служит, нечего ему просто так слоняться.

— Для меня честь, что ты детей моих в дружину к себе берёшь. Старшему уже девятнадцать лет от роду. Я сам учил его мечом владеть. Он не подведёт, великий князь. Младший маловат ещё, ему всего тринадцать.

— Вспомни, Андрей, когда нас первый раз с взрослыми ратниками в один строй поставили! Тебе, Андрюш, ещё и двенадцати лет не было. Я отца твоего хорошо помню, Вратислава Семёновича. Он лучшим мечником был.

— Да, великий князь. Я и не спорю. Сказал, пора в дружину Вратиславу, значит, пусть служит. А сложит голову, так на то воля Господа.

— Я и тебя к себе на службу зову. Нечего тебе здесь больше в Твери делать. Жену твою Господь к себе позвал. Вернёшься в мою дружину?

— Что греха таить, великий князь, не хочу я с тобой на Новгород идти. Но коли прикажешь, то пойду.

— Прикажу, боярин. Нужен ты мне. Вот и службу тебе поручаю. Поедешь с сыновьями своими к моему племяннику Дмитрию Александровичу. Скажешь, что великий князь ждёт его с полками в поход на мятежный Новгород. Если он друг мне, то пусть рать свою ведёт. А коли решил схитрить, а после на стол новгородский забраться, то пусть так и знает, что мне будет врагом.

— Понял, великий князь. Завтра с раннего утра с сыновьями поеду к нему.

— А крестнику моему, Ярославу, передай в подарок вот это, — сказал великий князь и протянул Андрею Вратиславовичу дорогой пояс, который заранее заготовил.

Андрей Вратиславович поклонился великому князю и покинул его палаты.

Старый друг великого князя на следующее утро вместе с сыновьями выехал из Твери в Переславль. Дорога предстояла неблизкая, а так как осень была дождливой, то и ехать было сложно.

— Ярослав, — обратился Андрей Вратиславович к старшему своему сыну, — ты вот

едешь гордый тем, что тебя в дружину позвали. Лучше бы не спешил ты радоваться. Великий князь не самое доброе замыслил. Междоусобную брань.

— Отец, ты ведь всегда говорил, что служить великому князю было для тебя радостью! Почему не рад, что великий князь позвал тебя?

— Потому что теперь многое изменилось. Великий князь хочет предать огню Новгород, а участвовать в этом я не хочу. Не хочу я, чтобы и вы радовались этому. Понятно, сыны?

Вратислав, младший из детей Андрея, молча слушал отца, а вот старший, Ярослав, тут же начал спорить.

— Да, но служить великому князю ведь наш долг. И ты, и дед служили, и все гордились службой. Ты хочешь сказать, батюшка, что междоусобиц тогда не было?

— Ярослав, ты зря радуешься. Великий князь обласкает, за почётное место посадит, землёй пожалует, а после на смерть отправит.

— Ну, тебя ведь не отправил!

— Я его друг, Ярослав, и ты не знаешь, сколько раз я на смерть отправлялся. Только Господь сохранил меня.

— Батюшка, а разве умереть за великого князя не есть высшее благо? Ты сам так всегда говорил!

— Говорил, Ярослав, только надеялся, что вас эта чаша минует. Не вышло.

Младший сын Вратислав ехал молча и делал свои выводы. Он не был крестником великого князя, зато давно уже слыл весьма неглупым отроком. Если великий князь позвал нас на службу, подумал Вратислав, значит, имеет на нас свои планы. Отец и брат думают не о том, о чём следует. Великому князю наши мечи ни к чему, вот и жалеть он нас едва ли станет. За годы и самые лучшие чувства гаснут. Отец, конечно, важен Ярославу Ярославичу, но не настолько, чтобы тот берег его. Бросит в самое пекло даже не на поле ратном.

Вольные ратники и князь Андрей

Князь городецкий Андрей Александрович много времени людям Тониглиевича на освоение полученных за предстоящую службу земель не дал. Уже в начале осени отправил он к атаману своего гонца и велел прибыть к нему с тремя десятками воинов. Только встречу князь назначил вовсе не в княжеских палатах, а в чистом поле.

Атаман привёл своих людей. Все на конях и с оружием. Правда, молодцы вели себя достаточно своевольно и паясничали, отвешивая шутки и в сторону атамана, и в сторону князька, к которому на службу подались. Некоторые явно подумывали заняться старым промыслом вместо того, чтобы мирно жить на дарованной князем земле.

Велико было всеобщее удивление, когда князь приехал к ним один, да ещё и узнали они его не сразу. Князь был одет словно сын зажиточного крестьянина, благо таких в округе Городца при его правлении стало множество.

— Тониглиевич, — обратился князь Андрей к атаману, — послушай, у меня для людей твоих есть дело мокрое. Выполнив его, вы и добычу поимеете, и себя проявите, и награжу вас по-княжески, только тайно.

Тати Тониглиевича начали держать совет. Они обсуждали, что лучше — взять князя в полон и потребовать за него выкуп или всё же выполнить его указ. Один из татей, некий Иван, в лицо спросил князя:

— Это, князёк, а скажи, тебе не боязно одному да без охраны разъезжать? А вот возьмём сейчас тебя в полон и попросим выкуп с дяди.

— Ну, выкуп он вам за меня, может, и соберёт, хотя я бы в этом ручаться не стал, а вот после я вас найду и всех четвертую.

Тати рассмеялись.

— А ты смешной, князёк, — сказал Иван, — говори, что за службу мы должны будем исполнить?

[Купить полную версию книги](#)